

Игорь
Сахновский

ненаглядный

призрак призрак

«...В Готорндене призраки ведут себя очень, очень прилично, никаких безобразий. В других-то местах чёрт знает что делается!.. У нас они тихие, деликатные. Если даже и решат показаться на глаза, то обязательно предупреждают о своём появлении...»

18+

Игорь Фэдович Сахновский

Ненаглядный призрак

Серия «Классное чтение»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39831336

Ненаглядный призрак: вся короткая проза / Игорь Сахновский: АСТ;

Москва; 2019

ISBN 978-5-17-113115-9

Аннотация

Игорь Сахновский – прозаик, поэт; автор романов «Насущные нужды умерших» (Fellowship Hawthornden International Writers Retreat, Великобритания), «Человек, который знал всё» (премия «Бронзовая улитка», присужденная лично Борисом Стругацким; экранизация в 2009 году), «Заговор ангелов», «Свобода по умолчанию»; обладатель приза читательских симпатий премии «НОС», финалист премий «Русский Букер», «Большая книга», «Национальный бестселлер». Его книги издаются в Германии, Франции, Англии, Италии.

Ирония и тонкая наблюдательность сочетаются в прозе Сахновского с любовным вниманием к драгоценным мелочам жизни. Сахновскому интересен каждый человек – будь то немного несуразная, но трогательная «большая белая женщина» или бесстрашный Гена Шнайдер, похожий на «ничейный куст».

В сборник «Ненаглядный призрак» вошла вся короткая проза писателя.

Содержание

Ненаглядный призрак	6
Ненаглядный призрак	6
Чёрная русалка	22
Девочки с ушками	32
Аленький цветочек	42
Защита Лауры[1]	51
Острое чувство субботы	56
Часть I	56
История первая	56
История вторая	82
История третья	124
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Игорь Фэдович Сахновский

Ненаглядный призрак

© Сахновский И.Ф.

© ООО «Издательство АСТ»

Ненаглядный призрак

Ненаглядный призрак

Владелицей замка, куда меня пригласили, была миссис Хайнц – пожилая мультимиллионерша, вдова одного из тех всемогущих Хайнцев, чьё гордое имя присвоено соусам, кетчупам и всякой закуске в консервных банках, – ну, сами знаете, загляните в любой гастроном или свой холодильник, я всё-таки не рекламную оду пишу.

Вот этот шотландский замок XV века из розового камня, слегка надстроенный в викторианскую эпоху, миссис Хайнц лет сорок назад превратила в главный приз международной литературной премии с длинным торжественным названием, которое я так и не запомнил. Но там были два ключевых слова, достаточно ясных: «Writers Retreat» – писательское убежище.

Суть награды в том, что на целый месяц этот дом-крепость, спрятанный в лесу, в часе езды от города Эдинбурга, отдаётся в твоё распоряжение. Ты приезжаешь, тебя встречает немногочисленная прислуга: повариха и две горничные, а впереди них – управляющая замком, красивая толстенькая девушка с лицом круглой отличницы. Встречают с таким почтением и радостью, будто это не ты приехал в потёртых

джинсах, а как минимум Вальтер Скотт.

Подразумевается, что писатель – дико ранимое, всегда готовое заболеть существо из Красной книги, которому каждую минуту всё на свете мешает и вредит. Поэтому, извините, никаких телевизоров, никакого интернета, боже упаси. Ну, компьютер, ноутбук миссис Хайнц ещё кое-как терпит – позволяет по своей доброте. Но, представьте, бывают такие чудовищные персоны, которые по мобильному телефону разговаривают ВСЛУХ! Так вот, с этими врагами вообще без церемоний – пусть выходят со своей техникой наружу, за территорию замка, и там злоупотребляют хоть до утра. Потому что ночью должно быть абсолютно тихо, а днём – ещё тише, чем ночью. Ланч вам принесут на цыпочках прямо к дверям; если вдруг потребуется что-то постирать, положите молча вот в этот бельевой мешочек, и всё. Нет, пожалуйста, не беспокойтесь, я сама уберу! Вы, главное, пишите, не отвлекайтесь.

Одновременно со мной в замок Готорнден прибыли ещё три призёра: английский поэт Тим Лиардет, романист Крис Хамфри из Канады и маленькая филиппинка Сеан, сочинительница коротких рассказов. В этой дивной компании мне предстояло кантоваться ровно месяц.

Тим, самый взрослый из нас, профессорствовал в Бристольском университете и был похож на молоджавого Ленина. Когда у нас случались мелкие гуманитарные конфликты, я говорил ему: «Ты Ленин!», и он заметно обижался.

Канадец с гордостью, как наградное оружие, носил свою придурковатую актёрскую харизму – возбуждённый поклонник самого себя с вечно вытаращенными голубыми глазами: «Зовите меня Сиси Хамфри! Или просто Oh My God!» Он только что выстрелил крупнокалиберным романом из жизни Тюдоров, поэтому категорически не желал работать, целыми днями где-то пропадал и возвращался аккурат к ужину, причём всегда с какими-то подозрительными трофеями.

Филиппинка прилетела в Шотландию сразу после медового месяца, имея только одну большую мечту – отоспаться. Когда к концу нашего заточения на прощальном чаепитии Тим предложил присутствующим по очереди похвастаться, кто в чём преуспел, пока сидел в средневековом убежище, Сеан пролепетала нечто вкрадчиво-сладкое, и я расслышал единственное слово: «sleep».

Что касается меня, то я позорным образом плутал как в трёх соснах в первых главах новой книги, с отвращением удалял едва дописанные страницы, возвращал себя заново к чистому «вордовскому» листу и мысленно проклинал своё одинокое мнимое занятие. Разумеется, я не знал, что этот роман потом наградят, экранизируют, переведут на несколько европейских языков и напечатают в парижском «Галлимаре». Но если бы даже и знал – что бы это изменило?

Отличницу-управляющую звали Эми Нортон. Для начала она сводила нас на экскурсию в подземную тюрьму замка (я так думаю, в воспитательных целях), потом привела в

гостиную, усадила за круглый стол, где легко могли разместиться человек сорок, и торжественно сказала: «Вы сидите за столом, за которым сидели королева Виктория и принц Альберт, когда посещали наш замок». В подтверждение этого факта нам был показан парадный парный портрет Виктории с Альбертом, дальновидно озирающих местность прямо с того самого крыльца, где я уже успел покурить. Там была крохотная каменная площадка, обнесённая массивным парапетом, и, если встать на него, опустить глаза и одолеть головокружение, можно было видеть глубоко внизу, под ногами, хмурый северный лес и речку Эск. В общем, понятно, что замок хоть и маленький, но не игрушечный – настоящее фортификационное сооружение.

Нас поселили на самой верхотуре, в аскетически обставленных викторианских спальнях, которым зачем-то были присвоены имена. Моя спальня (она же кабинет) называлась «Evelyn»: деревянный чёрный стол у окна, древний камин с приставленным к нему электрокамином, книжный шкафчик с потрёпанными словарями Вебстера и кровать – высокоценное ложе, воздвигнутое как минимум века полтора назад. Там явно полагалась приступочка, но она отсутствовала, поэтому, чтобы успешно взлечь, надо было совершить бросок вверх всем телом, как на гимнастического коня.

В первый же вечер после ужина Эми прочла нам короткую, но полезную лекцию о повадках местных привидений. Вступление звучало более-менее обнадеживающе: теперь

уже, в принципе, всем ясно, что ОНИ существуют. Ну, даже если кто-нибудь среди вас не верит в ИХ существование, то хотя бы задумайтесь вот о чём. Если за пятьсот с лишним лет здесь, вот в этих стенах, жило и умерло столько людей – неужели вы считаете, что от них тут ничего не осталось? Конечно, вы так не считаете. Спасибо.

«Но вам-то незачем волноваться, – уверяла Эми, – в Готорндене призраки ведут себя очень, очень прилично, никаких безобразий. В других-то местах чёрт знает что делается – там такое творят, такое себе позволяют!.. А у нас они тихие, деликатные, редко показываются на глаза. Ну, если даже и решат показаться, то обязательно предупреждают о своём появлении».

Я спросил: «А как они предупреждают?»

Эми отвечала авторитетно, со знанием дела: «Сначала чувствуешь быстрое приближение холода. Или резкое, внезапное прикосновение. А уже потом... Но это обычно по ночам, когда все нормальные люди спят. И появляются-то не везде – чаще всего в каминном зале, где мы сейчас сидим. Ещё иногда в комнате „Johnson“». Тут она с откровенным сочувствием посмотрела на Тима Лиардета, который вытаращил глаза и приоткрыл рот. Я сказал: «Тим, если хотите, можем поменяться комнатами». Он закрыл рот, по-ленински приосанился, даже немного надулся и нашёл пристойный ответ: «Я не могу рисковать жизнью русского новеллиста!»

Лекцию о призраках прервал вскрик филиппинки: она

увидела в окне настоящего, живого оленя. Олень выглядел из-за кустов и смотрел на нас, как непуганый Дарвин, с естественно-научным интересом. А мы, как малышня в зоо-саде, сгрудились у окна и смотрели на оленя – пока он не ушёл от нас по своим научным делам.

Готорнден поражал каким-то редкостным дружелюбием; стены и вещи выказывали безмерную надёжность и терпимость по отношению к нам, заезжим чужакам. Я позволял себе по-домашнему присаживаться на одну скромную тумбочку в холле, пока не обратил внимание на инкрустированную дату: 1603. Кран из жёлтого металла над чугунной ванной вёл себя как самая заурядная, исправная сантехника и не требовал ничьего внимания к своему фабричному клейму, поставленному в 1842-м.

Странное это было место, и времяпровождение тоже странное.

Стоило добираться сюда, на север Шотландии, с другого конца света, чтобы целыми днями сидеть в старинной комнатухе под крышей замка, терпеливо уставившись в ноутбук.

Там было хорошо, пусто и одиноко. И я уже заранее знал, что не вернусь в это место никогда, и предчувствовал острую ностальгию, которая подстерегала меня ближе, чем могло показаться, – в точности как обещанное Эми внезапное прикосновение холода.

Главный персонаж книги, мерцающей на экране, уже освоился в предложенных мною обстоятельствах и вполне бодро совершал смертельные глупости, одну за другой.

День заканчивался в том же каминном зале за чаем и кофе. После ужина Эми сообщала всем, что за ней приехал бойфренд и она вынуждена распрощаться до завтра. Маленькая Сеан улыбалась и махала нам ручкой: дескать, спать, спать немедленно, уже так поздно, целых восемь часов! И мы оставались на весь вечер у камина втроём – «мужчины без женщин», два англосакса и один русский.

Сиси Хамфри, отхлёбывая чай, принимался хвастаться своей любовью к фехтованию и верховой езде; тем, что он самый известный романист Канады, а его литературный агент хоть и очень старенькая тётенька, но была когда-то агентом у Генри Миллера.

Тим рассеянно хмыкал и осведомлялся у меня, как там обстоят дела в русской поэзии: неужели до сих пор пишут в рифму? Это ведь так устарело. Он просил меня что-нибудь прочесть, я читал на память одно-два стихотворения любимых авторов, специально выбирая рифмованные тексты, и поэт-профессор сокрушённо вздыхал: «Old music, old music...» А я вежливо отвечал по-русски: «Сам ты олд».

К концу первой недели Сиси Хамфри притащил на наши вечерние мужские посиделки два флакона виски – непонятно, где он их добыл в лесной глуши, но глаза сверкали победительно. Мы с Тимом сделали по глотку, и виски нам не по-

направился. Мне лично почудился жуткий запах сивухи. «Ничего, – сказал Сиси Хамфри, – я вам ещё не то принесу!»

На исходе второй недели он принёс джойнты: маленькие папиросы, по виду будто фабричные. Я отказался, Тим – тоже.

Крис Хамфри был ранен такой чёрствостью в самое сердце, он кричал: «It's fantastic product!» – и хватал себя за голову. Тим сжалился: «Ну ладно, давай попробуем. Но только по одной затяжке. Посмотрим, что это за fantastic product».

Ближе к полуночи мы тайно выдвинулись втроём на то самое мемориальное каменное крыльцо, откуда, как известно, королева Виктория и принц Альберт озирали даль. Сиси Хамфри уже сучил ногами от нетерпения. Тим Лиардет, разумеется, хмыкал.

Не знаю, как после одной затяжки выглядел я, но эти двое выглядели полными придурками. Сначала они беспричинно хохотали, потом подошли к каменному парапету, заглянули вниз на чернеющий лес, и кто-то один предложил немедленно прыгать: «Let's jump!»

Я сказал: «Всё, ребята. Вы точно герои. Спокойной ночи», – и пошёл назад, вверх по винтовой лестнице, в свою комнату. Мне было ясно: поскольку я не выключил ноутбук, главный персонаж за время моего отсутствия успел потерять любимую жену, работу и едва не покончил с собой. Он каким-то чудом уцелел и, выйдя из реанимации, приобрёл сумасшедшую способность узнавать ответ на любой вопрос –

буквально на любой. Мне не пришлось выдумывать почти ничего: я знал этого человека в реальной жизни. Правда, я не знал, чем это всё закончится, история пока ещё длилась – одновременно с писанием книги. И так получалось, что я поневоле проживал его жизнь заново, вместе с ним подыхал от ревности и пересиливал страх.

Шотландский апрель был мокрый и зябкий, с яркой зеленью и надменным близоруким солнцем. После скромного ланча, который приносили бесшумно в холщовой сумке и оставляли у двери, я брал сигарету, поднимал оконную раму и по пояс вываливался наружу, чтобы покурить не в комнате, а якобы на улице. Внизу через пустой двор мчался по своим делам безумный Сиси Хамфри – боковой побежкой охотничьего пса со странным заносом влево. Он поднял голову, увидел меня и крикнул: «Igor, don't jump!» («Игорь, не прыгай!») Заботливый такой парень, я даже слегка растрогался.

По мере того как события в книге сгущались, у меня сдвигался режим работы в сторону ночных бдений. Теперь я ложился только под утро, а днём клевал носом, поэтому норвил после полудня хоть ненадолго прилечь, точнее говоря, совершить бросок на своё чересчур возвышенное ложе.

И вот тут меня настигло необычное явление, которое для краткости можно назвать многосерийным сном. Причём сериал отличался постоянством времени и места.

В каждой «серии» мне снилось, что я лежу ночью на этой

же старинной высоченной кровати и чуть ли не смертельно болен. Во всяком случае, меня там трепали жестокий жар и лихорадка и не было никаких надежд на выздоровление. Внутри сна я то уплывал в забытье, то просыпался (опять же внутри сна) и всматривался в пустые горячие потёмки, то снова закрывал глаза, принимая как данность чьё-то милосердное присутствие и касания прохладных рук. Я видел стройную женскую фигуру в белом: она стояла возле кровати, склонялась у изголовья и пыталась облегчить мою участь.

Потом я действительно просыпался (чувствуя себя, кстати, совершенно здоровым), вставал, возвращался к столу, работал, выходил на ужин, гулял в окрестностях Готорндена – всё как обычно.

Но стоило мне только прилечь, уснуть – и тут же накатывали жар и лихорадка, постель оказывалась предсмертным ложем, а возле него меня поджидала та женщина в домашней ночной одежде – вроде белой длинной рубашки с тонким, чуть примятым кружевом на груди. Странность была ещё и в том, что я попеременно ощущал себя то мальчиком, умирающим на глазах у матери, то взрослым мужчиной, любящим и желающим незнакомую женщину, от которой вот-вот должен уйти в эту горячую темноту. Её лицо я почти не различал, зато был отчётливый запах – вереска под дождём и почему-то имбиря.

Она говорила: «У тебя губы пересохли, давай я тебя напою». Я с трудом приподнимал голову и ловил губами холод-

ную круглую ложку со сладковатым питьём. Мне хотелось сказать что-нибудь смешное, а голоса не было, но она слышала и тихо засмеялась.

Между тем Крис Хамфри продолжал развивать бурную поисковую деятельность. Тиму, видимо, тоже поднадоел монашеский образ жизни. Как-то раз вечером, когда стемнело, они с заговорщицкими лицами пришли ко мне в келью, и канадец, возбуждённо сверкая глазами, сообщил свежие разведанные: здесь неподалёку, километрах в трёх, есть деревушка! А в деревушке (тут он понизил голос) есть бар!

Я тупо спросил: «Ну и что?» – «Как что?! В баре есть телевизор!» – «Боже, какое счастье, – говорю. – И что дальше?» Тогда Тим выложил главный козырь: «А по телевизору футбол. Сегодня *наши* играют!»

Мне сразу представилось, как Сиси Хамфри после пятой порции виски, заглушаемый воплями футбольных фанатов, в шестой или седьмой раз описывает нам свои фехтовальные рекорды и с горящим взором доказывает, кто сейчас лучший писатель Канады.

Наверно, я выглядел как злобный заспанный мудака, когда ответил: «Вообще говоря, это „ваши“ играют, а не „наши“. Но мне без разницы. Вы идите в бар, я здесь посторожу».

И они ушли.

Я ещё немного поторчал за компьютером и вдруг прямо физически почувствовал, что теперь я один – на весь огром-

ный замок. Ну, не считая вечно спящей филиппинки в дальнем конце коридора; Эми по вечерам увозил бойфренд, а горничные уезжали ночевать к себе домой, в Эдинбург и Ньюкасл.

Зачем-то я запер дверь своей комнаты, хотя обычно этого не делал, и отправился гулять по замку. С полутёмного последнего этажа спустился по винтовой лестнице, ещё более тёмной. Слабый свет пробивался только из каминного зала: там всю ночь горела настольная лампа, как бы дежурная, в помощь лунатикам или бессонным шатунам вроде меня.

В отсутствие людей эти комнаты словно бы закрывали глаза и уходили в себя, на полтысячи лет в глубину, в свою отрешённую давность, наглухо закрытую, как дубовые шкафы грандиозных размеров, стоящие вдоль стен. Я каждый день проходил мимо этих шкафов и только сейчас поймал себя на стыдном, почти воровском желании заглянуть внутрь: а что там? Что в них может лежать?

Я дал себе слово ничего не трогать – только посмотреть.

Один из нижних ящичков, выбранный случайно, скрывал в себе столовые приборы неопознанного назначения: например, вилки размером с мою руку. Что за гулливеры здесь обеды?

В другом ящике, тоже открытом наугад, тосковали старинные гербарии, пропылённые и разохшиеся до состояния праха.

Уже без особого интереса я подошёл к дальнему углово-

му комоду, выдвинул ещё один ящик – и он дохнул мне в лицо пронзительной смесью вереска с имбирём. Там лежало женское бельё – мёртвой нетронутой стопкой. И на бездыханной, изжелта-серой ткани я вдруг увидел кружево со знакомым узором, сплющенное и ссохшееся, как тот гербарий. Но ещё достовернее был запах: одновременно терпкий, медовый и острый.

Я быстро задвинул ящик, постоял с минуту и пошёл назад к себе в комнату, непроизвольно ускоряя шаг. Не знаю, что меня подгоняло, но уже на лестнице, в герметичной каменной тишине я совершенно отчётливо услышал, как меня кто-то зовёт по имени. Звук был таким глухим, будто кричали очень издалека, с невидимого берега реки, а я был на противоположном берегу, да ещё за каменной стеной. Я застрял на лестнице, пытаюсь снова расслышать этот звук, и он вскоре повторился: опять моё имя – с бесконечно растянутой второй гласной: о-о-о-о-о-о-о-о-о-о.

Слуховых галлюцинаций у меня в жизни ещё не было. Будем считать, что это первая, сказал я себе.

В коридоре было пусто и тихо. Я дошёл до своей двери, не сразу справился с замком, потом сел за стол и уставился в ноутбук. Что у нас тут происходит? На чём я остановился? Последние два абзаца выглядели так:

«Если очень долго смотреть на зимний закат, наступает такое отважное равнодушие, сравнимое только с безразличием океанского штиля, когда один лишь окрик далёкой чай-

ки воспринимаешь как лучший дар.

Если долго смотреть на перевёрнутое человеческое лицо – сверху тупая шишка подбородка вместо лба, а снизу колючие глазные прорези, подчёркнутые волосистой линией бровей, – можно заподозрить, что перед тобой не обычный человек, а чудовище. Монстр неизвестной породы. Что, в общем, недалеко от истины».

Я встал, открыл окно, чтобы покурить, и теперь уже совсем ясно расслышал, что меня зовут. Эти двое вернулись из деревенского бара, но без ключа войти не могли: автоматическая щеколда открывалась изнутри. Мне показалось, они отсутствовали минут двадцать, не больше.

«Ты правильно сделал, что не пошёл, – сказал мне Тим. – Футбол был так себе». Крис тоже выглядел мрачновато.

Уснул я ближе к утру и, едва оказавшись на территории сна, сразу понял: здесь ждали с нетерпением, когда я наконец удосужусь поспать. Эта «серия» была поразительно предметной и внятной. Моя ненаглядная сиделка выглядела взволнованной как никогда. Она даже запнулась о мою дорожную сумку, оставленную возле кровати, и выронила чайную ложку, из которой хотела меня напоить.

Как-то само собой, без слов подразумевалось, что у нас уже совсем мало времени – его почти нет. «Но ты ведь вернёшься, я знаю!» Я должен был ответить, что вряд ли ещё когда-нибудь вернусь в Готорнден, но вдруг осознал: она, ка-

жется, имеет в виду уже другие края. И остаток той ночи запомнился особым надрывом, сумасшедшим желанием, одолением стыда и мятным холодом губ, когда она прислонялась лицом к моему лицу.

Через три утра я уезжал – раньше всех. С Тимом Лиардетом мы молча обнялись. Крис Хамфри на прощание потряс мне руку и многозначительно предупредил: «Igor, don't jump!» Женщины улыбались и махали ладошками.

Домой я добирался изнурительно долго: поездом, тремя такси и двумя самолётами – через Эдинбург, Лондон и Москву.

Уже дома, дорвавшись до интернета, я первым делом разгрёб накопившуюся электронную почту и нашёл письмо от своего персонажа.

Мы не вели с ним регулярную переписку, но иногда мой «человек, который знал всё» писал мне довольно откровенные письма и просил на них не отвечать. Опуская личные подробности, приведу небольшой отрывок:

«...Игорь, не смейтесь, но я только недавно понял, что человек не может жить без тайны. Она для него как второй воздух. Когда уже „всё ясно“, жизнь заканчивается. Спасает разве что влюблённость. Но любая влюблённость держится на тайне, питается и дышит ею.

А теперь представьте себе этот чудный кошмар, когда

влюблённый человек знает о своей возлюбленной абсолютно всё – вплоть до состояния кишечника! <...> Вот именно так я сейчас живу, такая у меня любовь, и вам я этого не пожелаю. Потому что ваша жизнь как минимум интереснее моей».

На следующий день после возвращения домой я взялся разбирать дорожную сумку и почти не удивился, когда среди смятой одежды обнаружилась ложка, которую я мог узнать не глядя, с закрытыми глазами – только губами и языком.

Я больше ни разу не был в Готорндене.

Сказать, что я тоскую по нему, – почти ничего не сказать. Правда, я не придаю этому чувству специального значения. Но если бы требовалось отыскать внятнй резон в ностальгической оглядке на место и время, куда так тянет вернуться, то я бы сказал, что любая ностальгия – это подсказка и жёсткое напоминание: ты гость. Находишься ты на краю света, в замке из розового камня, или у себя дома – ты всё равно гость. По крайней мере, пока ты жив.

Чёрная русалка

Сокрушительно печальное открытие, которое может сделать человек в зрелом возрасте, заключается в том, что его единственно близкие, самые родные люди так и не дожили до его любви.

Зато в свои неполные восемь этот человек ухитрился выловить из воздуха пронзительную догадку о том, что все его родственники – агенты иностранной разведки, засланные в страну только для того, чтобы следить лично за ним. И мама с отцом, и баба Роза (бабушка по отцу). Ну, не считая разве что младшей, вечно сопливой сестры, которую невзначай родили уже здесь – в конспиративных, скорей всего, целях.

Не буду притворяться, что я тут ни при чём: речь идёт о нашей странноватой семейке, чего уж греха таить. На мой взгляд, мама и отец не слишком старательно соблюдали свою «агентскую» легенду, они даже не были похожи на правильных супругов – скорее на пару влюблённых, регулярно сходящих с ума друг от друга, от ревности, от несовпадения характеров и слов. Запах какой-то невнятной трагедии доносится до меня от того вечера, когда они собрались (впервые в жизни) пойти вдвоём в театр, на «Бахчисарайский фонтан» – постановку заезжей балетной труппы, от всей той драгоценной праздничности, маминого чёрного платья в белый горох, с голыми плечами, её улыбчивой нервозности, остро-при-

торных волн «Красной Москвы», накрахмаленной рубашки и редкого благодушия отца. Собрались пойти – и в последний момент раздумали, не пошли. Вот так же, внезапно и бесповоротно, они однажды раздумают жить вместе, и отец уедет на Байкал в поисках фортуны, менее конкретной, чем должность главного энергетика Никелькомбината. Так что главную шпионскую миссию – следить за мной – эта парочка, увлечённая своей личной жизнью, исполняла не очень-то внимательно: они, к примеру, дружно прозевали моё кругосветное путешествие, о котором я ещё скажу.

Кстати, за младшую сестру я им сильно благодарен. Когда её принесли из роддома, она мне сразу понравилась. Такая спокойная, неразговорчивая, крупная девица розового цвета. Я сразу предложил свою помощь в качестве жениха, исходя из простой домашней логики: лучше, когда подрастёт, выдать её замуж за меня, чем отдавать кому-то постороннему.

Со временем сестра не перестала меня восхищать. На фоне говорливой суеты окружающих она могла сойти за маленького Будду – всегда важная и сияющая. Родителей беспокоила её упорная молчаливость, но я-то знал, что моя сестра просто не любит зря болтать. Она говорила крайне редко и только по делу. Первое слово я вообще услышал от неё, когда ей было два года. Мама работала в вечерней школе, они с отцом часто задерживались допоздна, и меня оставляли за няньку. Мне было приятно и не скучно оста-

ваться наедине с сестрой: с ней можно было поговорить хоть о чём, даже о самых секретных вещах. Как-то раз я создал транспортное средство, употребив для этого эмалированную суповую кастрюлю с ручками, бельевую верёвку и наиболее полезные фрагменты сломанного трёхколёсного велосипеда. Теперь можно было с удобством катать сестру по комнате, от окна до кровати и обратно, не прерывая содержательных монологов. Обсуждалось, например, положение средневековых пиратов, которые потерпели бедствие в открытом океане и случайно высадились на тушу кита. Как они там? Смогут ли продержаться, разжечь костёр и хлебать свой пиратский ром? В общем, ситуация тяжёлая, надо было срочно что-то решать. Но в эту минуту мы сами попали в аварию, наехав на ножку стола. Пассажирка вывалилась на пол и громко стукнулась головой. Любая другая сестра сразу же раскричалась бы, а моя – только сделала недовольное лицо. Я, конечно, как водитель чувствовал себя виноватым, поэтому попросил прощения. И тут моя сестра вымолвила слово, от которого я тоже чуть не свалился под стол. Она сказала: «Прощаю». Это было самое первое, что я от неё в жизни услышал. И хотя заявление прозвучало скорее как «пасяю», мы ещё никогда не беседовали на столь высоком, светском уровне.

Но в дальнейшем всё чаще получалось так, что я сестру оставлял одну: сбегал от неё из двора, уходил в себя и в собственную жизнь, как в дальнее плаванье, уезжал насовсем в другие города и страны. Научившись читать в четыре го-

да и проглотив всю доступную мне тогда письменно-печатную продукцию, включая надписи на заборах, карамельные фантики и сурово адаптированные мифы Древней Эллады, я теперь на вопросы назойливых взрослых: «Кем ты хочешь стать?» коротко отвечал: «Одиссеем».

Сестрица бежала за мной по двору, как доверчивая собачка, тёплые байковые рейтузы пузырились под коротким платьем, а я, героический мерзавец, гнал её: «Не ходи за мной! Отстань!» – и она отставала, и уходила без обиды, маленькая прекрасная женщина, отвергнутая мальчишеской спесью.

В моменты обострения личной жизни родители отсылали меня на другой конец города – к бабе Розе, самому влиятельному человеку в нашей «агентской» семье. Она жила одна в коммунальной комнатухе с соседями и совсем не выглядела бабушкой-старушкой, а была красивой и стройной. По утрам она надевала купальник, и мы ехали с ней на пляж. Или шли в кинотеатр «Мир» на фильм о Фантомасе.

Так получилось, что все главные вещи в жизни я узнал не от школьных учителей, а от бабы Розы. Например, что все люди смертны, откуда берутся дети, о том, что мой исчезнувший дед – не враг народа и что любить – это значит невзирая ни на что. Задолго до школы она же научила меня читать, писать, плавать, играть в карты, в шахматы и домино.

Ещё она рассказала мне о Пушкине, а немного позже – потрясшую меня историю про чёрного мальчика Абрама Ган-

нибала. Его похитили в Африке торговцы невольниками, посадили на корабль, чтобы доставить на рынок рабов. И, пока судно уходило от берега за горизонт, сестра этого Ганнибала долго-долго плыла за кораблём, за братом – чёрная такая русалка, – и никто не знает, что с ней случилось, сумела она вернуться или утонула. Да и о самой этой девочке мы узнали только благодаря её брату, который попал в Россию, был другом и слугой Петра Первого, воевал под Полтавой со шведами, учился в Париже и стал прадедушкой главного русского поэта. Всю жизнь он помнил о ней, помнил, как она плыла, и знал, что она тосковала по нему.

«Кто-нибудь должен по тебе тосковать», – сказала мне баба Роза.

Незадолго до своего попадания в первый класс я решил, что перед поступлением в школу надо успеть сходить побыстрому в пробное кругосветное путешествие. Наша улица упиралась хвостом в Центральный парк культуры и отдыха, который интриговал меня примерно как джунгли. Я слышал от всезнающих соседок, что там, в зарослях акаций и волчьей ягоды, иногда совершаются преступления и половые акты, но не знал, что из них страшнее. Однако в ходе моего опасного путешествия акты не совершались ни разу, врать не буду. На самом старте за мной пыталась увязаться младшая сестра, но была безжалостно послана домой. Шёл я налегке, без продуктовых запасов: так опасней и увлекательней, а с

продуктами любой дурак смог бы. Главной моей задачей было не сбиться с курса, то есть не отвлечься и не сменить направление – только так я вернусь в исходную точку, прямо к своему подъезду, обогнув земной шар. Позади джунглевой оградки тянулась бесцветная улица с неопрятными домишками частного сектора. Пришелец из пятиэтажки чувствовал себя здесь аристократом из родового поместья. Наблюдение за местными нравами показало, что среди аборигенов встречаются дети, чем-то выпачканные с ног до головы, и они лижут сладкие, прозрачно-малиновые петушки на палочках далеко высунутыми языками. Это было нелёгкое испытание для исследователя, которому тоже страстно захотелось полазать леденец.

Собственно, частными хибарами город и заканчивался. Дальше начиналось нечто безлюдное, сухое и каменистое, с воспалённым горизонтом и травяной горечью во рту. К вечеру становилось холодно. Приключениями здесь не пахло – только терпением и пылью.

По моим сегодняшним прикидкам, в тот день я отошёл от города примерно на четыре километра и пребывал на подступах к Новотроицку. Здесь у меня случился жестокий упадок сил, и я был вынужден устроить привал у дорожной обочины.

Но ещё до того, как одиссеевский азарт утих, меня настигло ошеломляющее открытие. Оказалось, что здания, в которых мы живём, и хвалёные могучие заводы, и весь город

целиком – это лишь маленькие смешные загородки посреди безжалостно большого, простуженного пространства, абсолютно безразличного к нам, к нашим хотениям и страхам, ко всему, что мы считаем нежным или злым, милым или отвратительным. Конечно, в тот момент я не формулировал своё открытие такими словами, но чувствовал именно так. И это чувство, кажется, равнялось отчаянью первобытного человека, застывшего с разинутым ртом перед лицом равнодушной природы. Какой-то серый косогор с блестящими кремниевыми брызгами, где я споткнулся и разбил в кровь колено и локти, явился гораздо более простой и сильной реальностью, чем всё, что я мог нафантазировать.

Меня подобрал с обочины усталый дядечка на мотоцикле с коляской, и уже к полуночи я вернулся на исходную позицию. Мама посмотрела на меня с сердитым любопытством и ничего не сказала.

Родители расстались, когда мне было двенадцать лет. Изредка отец приезжал в наш город и первым делом встречался не с бабой Розой, а с моей мамой. Он входил в квартиру ни свет ни заря, и я слышал за стеной, не совсем ещё проснувшись, как они накидывались друг на друга – как изголодавшиеся влюблённые, словно бы разлучённые войной.

Спустя восемь лет отдельной жизни отец, уже неизлечимо больной, написал маме письмо с просьбой о разводе. Причину просьбы он пояснял в этом же письме – развод понадобился, чтобы жениться на Людмиле: «Я после операций и

облучения чувствую себя плоховато, а она единственная заботится обо мне, времени и сил не жалеет. Женитьба нужна формально».

Трудно сказать, какая логика судьбы надиктовала нам с сестрой встречу с этой женщиной: мы прилетели вдвоём чуть не на край света, чтобы проститься с отцом, и неизбежно повстречались с его новой супругой. Внешне она показалась мне в точности похожей на свою должность – начальница городского треста столовых и ресторанов.

Людмила налила нам куриного супа, поставила на кухонный стол тарелку с пирожками, села напротив и сказала:

– Вы, может, даже не поверите. Я за вашим отцом бегала восемь лет. Восемь лет, пока он на мне не женился! А всё почему? Потому что он у вас настоящий изумрудик!..

Не знаю, зачем ей нужно было так откровенничать со мной, зелёным юнцом, и моей младшей сестрой, совсем девочкой. Сейчас мне кажется, что она неосознанно искала у нас защиты от его нелюбви. Хотя какая тут может быть защита, если человек равнодушен к тебе?

Одного лишь объяснения про «изумрудик» Людмиле показалось недостаточно. Ей не терпелось сообщить нам с сестрой ещё одну подробность, которая на исходе восьми лет беганья за отцом лишала её покоя.

Это случилось уже после операции, когда отец на короткое время вернулся из больницы домой. Он не жаловался

Людмиле на самочувствие, но иногда по ночам во сне бредил. Она лежала рядом и слушала его невольные откровения, боясь узнать что-то плохое. Вот и узнала. Однажды в бреду отец очень отчётливо и громко выговорил имя бывшей, покинутой жены. Даже несколько раз позвал: «Лида, Лида!»

Под утро Людмила не сдержалась и в сердцах отчитала его: «Как же так? Лежишь тут в постели с одной женщиной, а во сне зовёшь другую?» Отец оставил её претензию без ответа. И теперь она терзала нас с сестрой бессмысленными грустными вопросами. Мы опустили глаза, как бы сожалея об отцовской бестактности. Уместных слов на эту тему у нас тоже не нашлось.

Людмила сказала мне, чтобы я забрал вещи отца, какие захочу. Я взял старый полевой бинокль с шестикратным увеличением и большую готовальню с чёрным бархатным внутренним – только то, что он увёз когда-то из нашего дома.

Через полтора месяца она пришлёт мне две посылки. В пыльных холщовых мешках, исписанных химическим карандашом, уместятся поношенный отцовский полушубок из овчины, стопка альбомов европейской живописи и тринадцать разрозненных томов Большой медицинской энциклопедии.

Держа в руках эти вещи, я вспомнил, что, когда отец вёл меня, ещё маленького, по улице, он давал мне два пальца правой руки, чтобы я за них держался. А когда мы с ним виделись в последний раз, на прощанье мы ни разу не косну-

лись друг друга и не обнялись.

Обниматься у нас с отцом было не принято.

На вопрос мамы «Как он там жил?» я зачем-то стал рассказывать то, что узнал от сотрудника отца по Энергетическому институту: в нерабочее время они вдвоём спускались в институтский подвал – экспериментировали там с шаровой молнией, которую создавали собственноручно.

Потом я не сдержался и почти дословно пересказал услышанное от Людмилы, как отец во сне произносил мамино имя: «Лида, Лида!»

И на шаровую молнию, и на этот ночной отцовский оклик она ответила молча, без единого слова, – только вятно кивнула.

Кто-нибудь должен по тебе тосковать.

Девочки с ушками

Рождественский рассказ

1

Девочка Арина сидела без работы и смотрела телевизор.

До этого она служила медсестрой в ведомственной поликлинике. Но там закрыли процедурный кабинет, потом закрыли поликлинику, а немного погодя – и само ведомство.

Среди того, что показывали по телевизору, сильнее всего Арину трогала и волновала реклама красоты. Наполнит вашу кожу сиянием и блеском на 24 часа. Увеличит на 40 процентов объём и привлекательность ресниц. Вы этого достойны. Побалуйте себя.

Арина жила в небольшом городе областного значения, довольно скучном, зато без толкотни. Чего там явно не хватало – это блеска и сияния. Хотя было всё же одно блистательное место, точка соблазна и притяжения, свой маленький Париж на проспекте Ленина – сетевой магазин французской косметики «Грив Туше».

Там обитали настоящие феи, в их обязанности входило

брызгаться духами и туалетной водой и делать хоть каждый день новый макияж. Не говоря уже об ослепительных улыбках в присутствии достойных людей. Сами понимаете, вот же она, работа мечты.

Когда в магазине появлялась вакансия продавщицы, на неё слетались до пятнадцати претенденток за неделю. Поначалу от них требовали высшего образования, а позже махнули рукой – ладно, лишь бы грамотная речь. Плюс миловидность, приветливость, управляемость и, боже упаси, никаких явных лидерских свойств.

Не каждая безработная медсестра посмела бы даже приблизиться к парижским красотам, но Арина посмела – и её неожиданно взяли. Это случилось осенью, в самую слякоть и непогоду, а потом весь ноябрь новенькую обучали интересным и приятным вещам.

Неприятные вещи она вскоре освоила сама. За свою двенадцатичасовую рабочую смену фея не могла присесть: в торговом зале сидеть было запрещено, даже стул там поставить нельзя.

Нельзя было съесть на обед что-нибудь такое, чем от тебя будет пахнуть.

Нельзя носить с собой мобильный телефон, даже если дома у тебя ребенок со слепоглухонемой бабушкой или совсем один.

Нельзя иметь неидеальный маникюр, слишком свободную причёску и грустное лицо. Колготки и туфли должны быть

тоже идеальными, даже если не платят зарплату. Ну, не то чтобы её совсем не платят. Не дают аванс. Никаких больничных и отпускных – это само собой. Зарплату могут задержать. Позже, конечно, отдадут в укромном конверте – после того как вычтут недостачу за какие-то общие грехи.

Самый простой общий грех заключался в том, что все девочки-феи потихоньку начинали тырить. Все до одной. Их, во-первых, смущали лазейки, а во-вторых, мучило ощущение, что им постоянно недоплачивают. Девочки притыривали подарки, предназначенные для покупателей, флаконы-тестеры и товары, которые можно было списать. Сначала – застенчиво, бледнея, потея от страха. Потом – азартней и веселей.

Была ещё одна грубая вещь – конкуренция между феями за «тучных» клиентов: их нужно было правильно отсканировать намётанным взглядом (в основном по одежде и манерам), обласкать и обстричь. От этого зависели проценты личных продаж и, понятно, суммы в конвертах.

Могла зайти между делом бизнесвумен в шубке и купить не задумываясь всю линию средств для ухода. А могла – библиотекарша или опять же медсестра. Перенюхает все духи и ничего не купит. Ты теряешь время, рассказываешь ей про букет и пирамиду аромата, пока твоя коллега стрижёт норковый жакет или шапку из песка. «Спасибо, – говорит тебе туманная библиотекарша, – я подумаю».

Арина уже не первый год находилась в сложных отношениях с одиноким мужчиной по имени Герман Сергеевич, который находился в сложных отношениях со своим одиночеством.

Он никогда не звонил и не приходил к Арине – она звонила и приходила сама. Правда, в её присутствии он не становился менее одиноким. Иногда в честь своего хвалёного одиночества он вступал в переговоры с неодушевлёнными предметами – опять же в присутствии Арины. Допустим, брал в руки пустую коробочку от лекарства «Алоэ вера» и меланхолично восклицал, как в телефонную трубку: «Алло! Вера?» Немного утешало то, что Герман Сергеевич свирепо ревновал Арину к её работе – раньше к медицинской, а теперь к торговой.

С приближением праздников, особенно рождественских и новогодних, в магазине отменялись выходные, гламурный ореол утяжелялся, конкуренция становилась злее, а покупатели – ненавистнее. В эти дни девочки между собой тихо называли клиентов тошнотиками.

«Не лезь! – говорили новенькой Арине. – Не лезь, опозоришь марку! Это не твой, а мой тошнотик в красном пуховике. Он уже подходил, пробовал и вернулся».

Ну, Арина и не лезла – работала с перспективными, не внушающими коммерческих надежд.

Самая взрослая из девочек была Ключкина, в прошлом

стюардесса, ныне тайный антилидер. Она знала мрачные истины буквально обо всём. Если кто-нибудь сомневался и дерзко спрашивал: «А ты откуда знаешь?», Ключкина отвечала твёрдо и внушительно: «„Аргументы и факты“ читай». Она взирала на Арину с медицинской жалостью, как на слабоумную, и однажды сказала: «Ты что, чуда ждёшь, волшебства? Типа, Дед Мороз, алё?»

Но Арина не ждала никакого особого чуда, ей просто не нравилось оценивать входящих по одежде, а нравилось разговаривать с людьми.

Незадолго до Нового года в магазине появился высокий такой старик с жёлтыми усами и в кроличьей шапке набекрень. Никто к нему, конечно, не подходил, и он нерешительно топтался возле стойки с новой коллекцией.

Арина подошла: «Вам помочь?»

«Да вот нужны духи в подарок для девушки».

Она, конечно, принялась рассказывать. Этот совсем свежий, морской аромат, немножко цитрусовый, а этот мягкий и пудровый, с ирисом.

«Ну, давайте самый большой флакон».

«Какой именно?»

«А давайте оба».

И началось безумие – старик брал всё.

То есть вообще всё. Причём в трёх экземплярах.

Его покупки с трудом поместились в трёх корзинах и превысили дневную выручку магазина.

На лотке возле кассы лежали вповалку маленькие сувенирные медвежата. «И ещё вот этих мышей штук тридцать», – сказал напоследок старик.

После того случая стажёрка Арина в одночасье превратилась в ценный кадр.

2

Между тем начальство «Грив Туше» на своём возвышенном уровне не жалело сил на креатив. Со словом «креатив» обязательно рифмовался «позитив». А позитив – это значит задорно и вообще весело-весело. Так сказали в отделе маркетинга, в столичном головном офисе, куда провинциальные директрисы из разных городов съехались на инструктаж. Им презентовали свежую задорную идею: с 24 декабря по 7 января все продавщицы в торговом зале будут ходить в заячьих ушках!

Правда здорово?

«Ни фига не здорово, – подумали провинциальные директрисы. – Они что, хотят из наших девочек сделать „Плейбой“?»

А вслух так деликатно хмыкнули и сказали: «Наши не наденут».

Отдел маркетинга вскричал: «Как так? Что значит – не наденут!» Вы обязаны сделать всё, чтобы надели. Вы должны будете прислать подробный фотоотчёт. Плюс, не забывайте,

могут прийти тайные покупатели – чтобы проверить. Плюс неожиданный визит французов.

И потом ещё долго и терпеливо объясняли.

Поймите! Ушки могут повысить процент продаж. Это же в интересах продавцов. Да ваши девочки и сами заметят, как покупатели потеряют бдительность, когда увидят ушки! И купят даже то, что им не надо.

А без ушей ваш магазин будет оштрафован! Имейте в виду.

После инструктажа приезжие директрисы пошли в бар, взяли вина и стали обсуждать, как бы приучить своих девчонок к ушам.

Одна, самая суровая, сказала: «Если откажутся, буду их карать рублём».

Вторая ответила: «Ага! Они уволятся перед праздником, будешь сама тогда в ушах прыгать».

Третья призналась: «А я бы первая ушки нацепила, как личный пример. Я ещё и хвостик могу».

На неё посмотрели со значением и решили: этой больше не наливать.

Вернувшись из Москвы, директриса магазина, где работала Арина, сразу провела собрание: вот, мои хорошие, у нас такая приятная новость, вы теперь будете в заячьих ушках работать. Правда классно?

«Ни хрена не классно, – помолчав, ответили феи. – Мы не будем. Как это мы с ушами? Как дуры».

Однако начальница нагнетала восторг: вы не понимаете, это же так круто! Вау, секси! А потом ушки себе домой заберёте бесплатно – для детей. Да, девочки? Да?

Те уже колебались: ну, вроде да.

Но тайный антилидер Клюшкина время зря не теряла. Она избирательно покуривала с феями на складе и внушала по полной программе: это стрёмно, унижительно и вообще позор.

И уже назавтра самые внушаемые уходили в отказ: «Нет, не могу». – «Ну почему же нет-то?» – «Потому что унижительно, и вдруг кто-то знакомый в магазин придёт».

Партию французских ушей прислали вместе с новой косметикой, но на них никто и смотреть не захотел.

К тому времени и сама директриса начала постепенно отыгрывать назад: сперва подумала, что надо бы выписать феям премию за позор. Затем стала сочинять версии для центрального офиса, одну трагичнее другой. Французские ушки малы для российских голов. У продавщиц жестокая мигрень. Некоторые даже не могут улыбаться и путают слова.

Праздничные дни казались бесконечными. Девочек заранее предупреждали: работаем до последнего тошнотика. Это значит, часов до одиннадцати, и никакой личной жизни, и не будет времени что-то купить для дома и семьи, приготовить, накрыть на стол.

Кто-нибудь контрабандно приносил на работу шампан-

ское, и в течение дня феи поочерёдно выбегали из торгового зала, чтобы глотнуть прямо из горлышка. Жизнь вне магазина уже как бы не подразумевалась. В двух словах, настроение было такое: нечего терять.

Арина вышла в туалет, заперлась и позвонила Герману Сергеевичу. Он долго не отвечал, потом отозвался недовольным кашлем.

«Алло, – сказала Арина, – это Вера. Меня просили передать, что Арина приехать не сможет, она сегодня работает допоздна. С наступающим!» И выключила телефон.

После восьми вечера дух «Советского» шампанского перешиб все французские ароматы. Самые заводные феи, примерив уши, чувствовали себя секс-бомбами и с русалочьим смехом бегали от покупателей.

Посреди уличной темноты магазин ослеплял стерильным светом, блистал, как бриллиантовая шкатулка. Но тошнотики вносили с улицы на обуви снежную грязь и марали белый сияющий пол. Как их можно было после этого любить?

Арина тоже надела ободок с ушками – почти машинально, ей было, в общем-то, всё равно. У неё была простая гладкая причёска, а самая нарядная одежда – из секунд-хенда. С тех времён, когда в обязанности Арины входило ставить клизмы и выносить за больными утки, она воспринимала любую работу как мучительную напасть, которую следует терпеть.

В какой-то момент, разговаривая с клиенткой, Арина почувствовала на себе пристальный взгляд и обернулась к вит-

ринному окну. За стеклом стоял Герман Сергеевич и смотрел прямо на неё. И ей почудилось, что он смотрит с таким тяжёлым презрением и жалостью, что она не придумала ничего лучше, чем убежать из торгового зала на склад, в курилку. Там она посидела с минуту, ни о чём не думая, потом расплакалась. В последний раз она плакала так же сильно ещё в детском саду, в подготовительной группе, когда её дразнили за то, что она носила толстые рейтузы ниже колен и не выговаривала сразу несколько букв.

Потом Арина вспомнила, что здесь её может застигнуть начальство, немного привела себя в порядок и пошла обратно в зал. Герман Сергеевич стоял возле кассы, а возле него крутилась директриса: она уже всучила ему что-то из старой коллекции и теперь немилосердно кокетничала. Но Герман Сергеевич вдруг обогнул директрису, как шумную помеху, подошёл к Арине, застывшей с мокрым лицом, и довольно-таки свирепо сказал: «Пойдём отсюда – прямо сейчас».

Уже через минуту они шли в сторону стоянки супермаркета «Нашатырь», где Герман Сергеевич припарковал свой антикварный, доисторический драндулет.

Конец декабря был таким же тёплым и слякотным, как осень, но, когда к ночи подмораживало, казалось, что стало значительно чище.

Аленький цветочек

Когда я поняла, что это ты – тот самый человек, которому я тысячу лет назад, в другой жизни, мечтала отдать на растерзание свою сумочку, у меня ёкнуло и упало сердце, как перед чем-то непоправимым. И ёкало и падало каждый раз, стоило мне только увидеть, что от тебя пришло сообщение, хотя бы два слова на корпоративную почту, или я просто замечала какой-то жест в мою сторону. Ты был корректен и сохранял дистанцию. Ну, и ради приличия стоит сказать, что доктор Фрейд может не волноваться: дамская сумочка иногда всего лишь сумочка, не более того.

Потом каким-то загадочным образом ты меня разглядел в бесконечной ленте Фейсбука – сама-то я давно тебя нашла, но вела себя как очень влюблённая, старательная тихоня, и ты вдруг одарил молчаливым «лайком» фотографию, которую я выложила: некрасивая девочка с книжкой и короткая подпись, что я и есть эта девочка, но без кос, как у неё.

Мне начало казаться, что ты сразу всё понял про меня, а потом стало немного обидно: вдруг ты думаешь, что я такая угловатая, сутулая и нелюдимая. Ведь на самом деле я живая и горячая. Но сколько нас там таких – живых и горячих? Ты-то был живым для меня с самого начала, и я была живой. Потом я возмечтала: почему бы нам вдруг не стать друг для друга чем-то большим? Тут у меня возникло что-то вроде

плана, который состоял из трёх пунктов: 1) не надоест; 2) напасть; 3) будь что будет.

Проще всего было с «напасть». Приближался твой день рождения, и мне хотелось написать тебе письмо. Что-то совсем особенное, хоть и нейтральное. Текст был придуман примерно за месяц и проговаривался в самых тайных мыслях. Пусть это будет не бесполое интернет-сообщение, а надушенная любовная записка, как в старинном романе, почему бы и нет. Ну и что с того, что она послана программой, которая шлёт всё и всем? Я буду знать, что это совсем личное, и ты сумеешь это понять. Даже если я буду «одна из», а я обязательно ею буду, тут у меня иллюзий не было никаких.

Сложнее было «не надоест». Я сознательно удерживала себя от комментов и от писем, которые желали быть ежедневными. Уж не знаю, как мне это удалось. Рискованней и трудней всего было не писать о себе. Мне казалось, в какой-то момент ты согласишься на меня с любопытством и, возможно, тебе представится, какая тонкая у меня кожа, как пахнут мои волосы на затылке, как горят мои щёки и леденеют кончики пальцев, когда я набираю буквы на экране.

В первых разговорах самое сложное было вовремя попрощаться – хотя бы за секунду до того, как начнёшь сомневаться: вдруг тебе отвечают из простой вежливости. Но я успела заручиться твоим разрешением написать тебе когда-нибудь ещё – и посчитала это большой удачей.

С того момента я вообще на всё вокруг смотрела сквозь

один вопрос: а будет ли это интересно ему? Я послала тебе файл с любимой песенкой, ты ответил не сразу, но зато прислал мне ответную песенку. Туманно сказал, что не спал всю ночь – провожал человека в аэропорт, и я не разрешила себе задержаться на мысли, кто был этот человек. Хотя немножко всё-таки подумала: «Кого мужчина может провожать в аэропорту? Конечно женщину». Чуть-чуть поревновала, но строго сказала себе: «Человек имеет право на личную жизнь. А ты не имеешь права в неё лезть. И вообще».

Однажды твоё сообщение застало меня в дороге. Я ехала в такси, у меня жутко гудели ноги после целого дня на каблуках, в новых узких туфлях, и мы как раз пошутили о ногах, и ты написал мне что-то сдержанное, но, как мне показалось, интимное, у меня тут же загорелись щёки, вспотело под коленками, и я начала так ёрзать, что мой таксист подозрительно поинтересовался, всё ли у меня в порядке и не забыла ли я, например, кошелёк.

Потом наступили морозы, и я всю зиму подумывала, что неплохо бы купить специальные перчатки, чтобы тыкать буковки на телефоне не ледяными пальцами, а как модная передовая молодёжь – силиконовыми пимпочками на тёплом трикотаже. Но зима как началась, так и закончилась, а мы остались и продолжились.

Иногда я ходила в гости. Перед уходом из дома мне нравилось постоять под горячим душем, погулять по квартире, замотавшись в полотенце, выпить кофе, растереть на коже

крем. Казалось, что ты видишь меня в эти моменты и что ещё чуть-чуть – и я точно опоздаю, потому что ты притянешь меня к себе по очень важному, неотложному делу и мне потом придётся заново укладывать волосы и красить губы.

В гостях меня называли человеком, потерянном для общества, грозились отнять телефон, ехидно спрашивали, не влюбилась ли я в кого-то в интернете, а то, знаешь ли, бывают случаи, такая беда. А один системщик, умудрённый электронным опытом, зачем-то сказал мне, что в Сети ничего не пропадает, ни одно слово нельзя сохранить в полной тайне, и что-то ещё про «кэш Гугла», но это я уже не поняла.

Удивительно, что я сумела не надоесть, и у нас стало то, что стало. А стало так, что в моём «Самсунге» с сенсорным экраном начала жить вся моя жизнь. Влюблённость в буквы была совершенно животной, вызывающей такие реакции в организме, что иногда приходилось срочно бежать менять бельё или, сидя в кафе с подругой, внезапно умолкать, потому что голос пропал или делался по-звериному хриплым. Когда я раньше слышала о виртуальном сексе, мне было понятно, что это вообще занятие не для нормальных людей. Теперь оставалось думать, что либо я ненормальная, либо у меня что-то другое. Мне нравились оба эти предположения: я точно ненормальная – нормальные не кусают губы до крови, читая сообщения, и у меня точно не секс. У меня любовь. Пришлось это признать. А позже оказалось, что у тебя тоже любовь и ты ещё более ненормальный, чем я.

Что было совершенно очевидно – ты находился фактически рядом. Мы жили вместе. Знали, кто что и когда ест, пьёт, когда спит, когда ходит курить или в душ. Сложились ритуалы и привычки, нам хорошо было и нежничать, и молчать вместе.

Иногда ты уезжал по своим делам, и каждый раз это была разлука, даже если, уехав из дома, ты попадал в мой часовой пояс, то есть оказывался географически ближе, чем обычно. И вот однажды ты сказал, что скоро полетишь в Лондон, а я стала думать всякие мысли: как я буду одна? Ему там будет интересно и весело без меня? Как это вообще такое может быть? Ну хорошо, пусть ему там будет интересно и весело, я же люблю его, и надо иметь совесть. Но совести не было. А была такая лютая тоска, что, наверное, от неё поднялась температура, вылез прыщик, и ещё один, и ещё сто, и оказалось, что от любви и грусти случается ветрянка. Детская болезнь взрослого человека. Болело всё, но самой болезненной была мысль: вот теперь он меня с этими папулами и пустулами даже видеть не захочет. И слава богу, что он их не видит! Ах, он их не видит?... Но ведь зачем-то на голубом глазу просит прислать свежую фотографию пациентки. Тогда пусть увидит и напугается. Вот тебе, смотри. Как там сообщается в вашей любимой песне? У ней следы проказы на руках, у ней татуированные знаки!.. Но, как нам стало известно, уходит капитан в далёкий путь и любит девушку из Нагасаки. Потому что извращенцев и маньяков проказа не пугает, они всё

равно любят и хотят. И это было очень волнующе – иметь своего личного извращенца и маньяка.

Что было совсем непостижимо для меня: ты серьёзно спрашивал, что мне привезти из Лондона. «Куда привезти?» – думала я. В личку? В наш с тобой мессенджер? Я решила, что это такая игра в реальную реальность. «Ну, привези мне цветочек аленький, чтобы краше его не было на всём белом свете», – написала я, находясь в трезвом уме, чтобы ты понял, что не за подарки я тебя люблю, купец мой батюшка. Но ты спокойно согласился. «Хорошо, привезу. А что ещё?» Я совсем наугад назвала что-то из белья. Но у вас, у маньяков, наверно, принято выпытывать подробности: размер, цвет. Чтобы задача выглядела наименее правдоподобной, я ответила: «А в тон цветочку! Аленькому». Откуда мне было знать, что маньяки такие ответственные. Мне в голову не могло прийти, что ты будешь приставать к продавщицам из сонных отделов с дорогими тряпочками, заставляя рыться на складских полках и снимать недостающее с манекенов. Ты выслал мне почти шпионский фотоотчёт со скептическими вопросами. Но выбрал ты всё равно сам. «А что ещё?» Тут я вошла во вкус, точнее, в роль. Хочу ещё маечку. Ещё магнитик с красной телефонной будкой. Ещё укради для меня в отеле фирменную авторучку!

Я была уверена, что всё это невозможное богатство ляжет у тебя дома где-нибудь в шкафу, а мы будем знать, что это моё. Однажды я уже таким образом подарила тебе оберег в

виде хрустального дельфина: мы договорились, что ты мне разрешаешь его «пока поносить», и я даже успела его потерять. В общем, я думала, это такая игра, чтобы немного потрогать если не друг друга, то вещи друг друга. А теперь у тебя в руках вообще окажется моё бельё, мама дорогая!

Но ты был настроен решительно. У тебя всего один лиш- ний час в аэропорту между рейсами, чтобы воспользовать- ся почтой. Нужны адреса, пароли, явки! Серьёзность твоих намерений так меня поразила, что я тут же всё сдала. Ме- ня счастливила страшная сладкая мысль: теперь мой маньяк точно знает, где я живу с любимым сыном и нелюбимым му- жем, и может меня подстеречь. Или, допустим, ты приезжа- ешь, звонишь в дверь, а я открываю и стою перед тобой та- кая – в болячках от ветрянки и в домашних тапочках. С этой мыслью я останавливалась прямо на улице и глупо улыба- лась, пока кто-нибудь из прохожих не толкал меня в общем потоке. Теперь я точно была в твоей власти. И на кончиках пальцев: ими ты набирал сообщение, ими ты трогал и держал меня так крепко, что я растворялась, но не таяла, а прони- кала в тебя. У нас произошла диффузия. Мы с тобой удиви- лись, что помним это слово из школьной физики. По-моему, отличное слово – и точно про нас.

А потом пришла твоя посылка. Оказалось, у тебя есть по- черк, и он отличается от тех буковок, которые сыпались из мессенджера. Я нарядилась в обновки, сфотографировалась в зеркале – и показала тебе себя. Ты написал: «С ума сойти».

И добавил несколько нежных слов. Красная телефонная будка примагнитилась к холодильнику, а ручку я спрятала подальше – мало ли что. Вдруг в отеле хватятся, и будет международный скандал.

И только через два или три дня я разобрала ворох пакетов, оставшихся от посылки. Выкинуть я их не могла, для меня это было похоже на святотатство. Да, ничего смешного. И тут под ворохом целлофана нащупала маленький прямоугольник. Почему я не увидела сразу? Настоящий алый цветок с пятью лепестками, запаянный в брикет из белого стекла. Именно такой, как я себе представляла: можно любоваться, невозможно дотронуться.

А спустя четверо суток ты пропал. Отовсюду, со всех радаров. Я спрашивала и спрашивала: «Ты где? Что произошло??» Мои сообщения висели непрочитанные. Ты молчал.

Я вспомнила один наш разговор о возрасте и смерти. Когда ты сказал: «Чем старше, тем любопытнее становится жить. И ещё ведь умереть предстоит – тоже интересно».

Мы никогда не звонили друг другу, так у нас было заведено. А тут я набрала твой номер и безнадежно зависла на длинных гудках.

В общей сложности я позвонила тебе одиннадцать раз. На двенадцатый раз трубку взяла незнакомая женщина и молодым прохладным голосом известила: «Мы похоронили его вчера. Сердечная недостаточность».

Когда я назавтра проснулась в слезах и пожелала тебе доб-

рого утра, а ты снова не ответил, я подумала, что можно выплакать хоть целую солёную реку и она без остатка растворится в этом океане интернета. Но я всё же хотела бы знать, в каком запаснике, в каком проклятом и драгоценном кэше Гугла уцелел, сохранился наш с тобой рай, который точно был – вот где-то здесь, в двух шагах от реальности, до которой мы не успели дожить.

Защита Лауры¹

В 16 лет я вдруг выяснил, что настоящее имя любви – Лаура, Лора. Так звали подругу моей матери. Она была старше меня на 20 лет, но это не имело ровно никакого значения. Одним лишь фактом своего близорукого и длинноногого существования (не говоря уже о проблесках взаимности) она упраздняла безнадежность провинциальной тоски и превращала мир в полигон счастья. С точки зрения моей мамы это был не просто ужас, а «ужас-ужас-ужас». Когда нелегальный любовный сюжет, словно лох-несское чудовище, всплыл на поверхность, мне было сообщено, что это патология, «у нормальных людей так не бывает». Но, во-первых, я с лёгкостью соглашался быть ненормальным, а во-вторых, на тот момент меня уже настигла внушительная доза облучения французской литературой, и я успел, например, вычитать из биографии Бальзака, что первую, самую главную возлюбленную 22-летнего провинциала Оноре, 45-летнюю госпожу де Берни, тоже звали Лорой. По крайней мере, это означало, что я не один такой урод.

Что касается дальнейших сердечных коллизий, то надо ли перечислять неизбежные прививки взрослости, благодаря которым твоя последняя жизнь бесчувственной монетой

¹ Эссе было написано для специального «набоковского» выпуска парижского журнала *Revue des Deux Mondes*. На русском языке не публиковалось.

закатывается в глухую щель между подобием и подобием на фоне зияющего отсутствия оригинала?

* * *

Ещё до того как мне попали в руки наброски «The Original of Laura», напечатанные в виде книги, я прочёл не менее десятка рецензий с резкими, буквально уничтожительными нападками на этот несчастный текст и на тех, кто посмел его опубликовать. Прочитую для примера статью² живущего в Нью-Йорке философа и критика Бориса Парамонова, который собрал самые расхожие обвинительные ингредиенты и подал их под самым ядовитым соусом.

«Царапина львиного когтя узнаётся на той или иной фразе, но узнаётся также неискупаемая, ничем, никак и навек не преодолеваемая погружённость в опостылевшую тему нимфомании».

«... Удручающее свидетельство то ли „верности теме“ (как говорили советские критики), то ли стариковского бессилия автора выдумать чего-нибудь новенькое».

И наконец: «Издание Лауры-Лоры-Флоры – надругательство над фактом смерти».

² Журнал «Огонёк» № 28 от 23 ноября 2009 г.

Спрашивается: зачем сюда примешана высокомерно-снисходительная похвала «львиному когтю»? Очевидно, бывалый охотник, не упуская фотогеничную возможность потоптаться на шкуре крупного зверя, в нужный момент просто обязан напомнить о его когтях и клыках. Иначе мы не вполне оценим охотничью отвагу. Мёртвый лев – на редкость удобный противник.

Но выразительнее всего здесь, конечно, «опостылевшая тема нимфетомании». Прямо на глазах доверчивой публики обвинитель превращается в пострадавшего. Жаль, он не поясняет – когда и где, в каких криминальных закоулках «нимфетомания» успела ему так страшно опостылеть? Кто его, бедного, гонит в эту тему, будто на каторгу? Воображение рисует липкого, как жевательная резинка, уличного торговца-литератора, который не даёт проходу важному господину критику и подсовывает ему из-под полы контрафактных, дурно воспитанных нимфеток. Короче говоря, вовлекает в низменные, маниакальные утехы, мешая мыслить о высоком.

Отзываясь подобным образом о «Лауре», критик заодно косвенно демонстрирует своё прочтение «Лолиты». Когда из великого пронзительного романа о несчастливой любви вычитывают в первую очередь нимфетоманию, остаётся только соболезовать.

Я был знаком со студентом-филологом, который ухитрился за все годы учёбы в университете не прочесть ни одной книги – он их пролистывал. Зато ему не было равных в уме-

нии дискутировать о литературе. Однажды утром перед уходом на экзамен по русской классике XIX века, завязывая шнурок на ботинке, он поднял заспанное озабоченное лицо и спросил провожавшую его подругу: «Напомни, пожалуйста! Что там с Анной Карениной?... Ах, да! Под поезд, под поезд...» Не исключено, что сейчас он читает лекции или пишет книжные обзоры. Я легко могу представить, как, уходя из дома на службу, знатный специалист уточняет у памятливой супруги: «Что там с Лаурой?... Ах, да! Педофилия, педофилия...»

Разучившись любить, вместо человеческих слов начинаешь употреблять замызганные судебно-медицинские термины.

Внятным ответом на малоудачную злорадную басню о «стариковском бессилии» (если уж совсем не замечать драгоценных камней, рассыпанных по тексту «Лауры») могут послужить результаты конкурса, проведенного журналом *The Nabokovian* в 1999 году. Это был конкурс подражаний Набокову: читателям предлагалось выбрать наиболее удачную имитацию. Сын писателя включил в подборку два фрагмента «*The Original of Laura*» – и они остались неузнанными. Брайан Бойд пишет: «Абсолютно никто не узнал в этих отрывках руку самого Набокова. Я считаю, это свидетельство гибкости набоковского стиля».

Когда нарядно раздетые подобия празднуют свои собачьи свадьбы, неопознанный оригинал уходит в тень романного

листа и находит там единственное убежище. Подозреваю, таков один из главных (потенциальных) сюжетов «Лауры».

Видимо, нужно обладать сияющей 24-каратной нравственностью и совершенно особой моральной правотой, чтобы уличать публикаторов «Лауры» в этической нечистоплотности и надругательстве. У меня нет такой правоты и такой нравственности, поэтому я просто благодарен за «летнее воскресенье в полоску», за «подвижные лопатки купаемого в ванне ребенка», «обнажённый сыр» в леднике и «щекотку на Флориной ладони». За то, что «велосипед Далии вилял в неизбывном тумане», а «подъём голой ступни был той же самой белизны, что и её молодые плечи». Наконец, за то, что мне позволено услышать, как «в раю посетовали, а в аду расхохотались».

Оригинал Лауры Набоков забрал себе.

Для самых взыскательных автор оставил исчерпывающую подсказку на карточках под номерами 12 и 13:

«... Читателей отсылают к этой книге – на самой высокой полке, при самом скверном освещении, – но она уже существует, как существуют чудотворство и смерть».

Острое чувство субботы

Восемь историй от первого лица

Часть I

Билет на сегодня

История первая

Большая белая женщина

В моей тени можно прятаться от солнца.

Но это в том случае, если перейти мою границу в одностороннем порядке.

У меня сто семьдесят три сантиметра плюс каблуки. Плюс то, что я похожа на бульдозер и меня видно издалека. Ну ладно, каблуки – это всего лишь каблуки. Но если он мне заявит, что любит чулки, колготки и акриловые ногти, то я совсем разочаруюсь в этом мире.

Бывают мужчины такие вежливые, что прямо неудобно. Мне один знакомый говорит: «Люблю кормить маленьких». Я спрашиваю: «Где здесь маленькие?» На самом деле я выгодная, меня можно вообще не кормить, тогда я года два про-

тяну за счёт подкожных запасов.

У меня всё большое. Например, большие глаза, и мне нравится наблюдать за людьми. А за мной никто особо не наблюдает, я думаю.

Я хожу в одну скромную, бюджетную парикмахерскую на Вторчермете, вход со стороны улицы Ляпустина. Никак не могу догадаться, кто это был такой. Может быть, директор овощебазы, но с героической биографией.

После парикмахерской я красивая ровно два часа. За это время надо срочно успевать назначить кому-нибудь свидание. Потом уже будет поздно!

А волосы у меня страшно прямые, почти как солома. Их надо просто ровно подстричь – выше плеч. Но весь мой жизненный опыт показывает, что подстригать точно по прямой не умеет никто. И только мастера отдалённых районов иной раз умеют. Потому что через их ножницы проходит целая народная масса.

Довольно поэтично звучит: «мастера отдалённых районов»... Я вообще иногда страдаю красноречием.

Так что пойду стричься за 400 рублей, и это будет лучше, чем за 1400. А после парикмахерской вдруг стану звезда пленительного счастья. Только я без зонта, а погода совсем херовая.

Я повесила на сайте знакомств фотографию сразу после парикмахерской, в первые два часа, и там видно мой роскошный причесон.

Но всё равно бывает сильно грустно. Евгений мне по телефону говорит: «С какого перепуга ты грустишь? Подойди просто к зеркалу и полюбуйся на себя, какая ты Большая Белая Женщина!»

Было бы на что любоваться. Я вообще не очень красотка. У меня ноги некрасивые, сороковой размер. Подъём высокий. А тут ещё ноготь на большом пальце слез – я на него сумку уронила с продуктами. Спрашивается, какой принц западёт на такую снежную вершину?... Бывают в мире утонченные особы с длинными кистями и пыльным взором! И это ни разу не я.

Чувствую, надо мне работу менять, я тут умираю, просто умираю! Целый день сижу над чужими финансами. В прошлый понедельник полдня просидела и отпросилась. А то пришлось бы совсем увольняться. Ушла, куда глаза глядели, в парк.

Утром, перед выходом на работу, хотелось повеситься. В маршрутке читала роман «Колыбель для кошки», и так стало интересно, что решила дочитать. Зашла в гастроном на второй этаж. Что-то вроде кафетерия, я его называю «самый лучший ресторан», потому что он открыт с 7:30, там кофе по десять рублей, и ты там на хрен никому не нужен. Пока не дочитала, на работу не пошла. И, конечно, опоздала, услышала от начальницы всё, что она обо мне думает.

Три года назад переписывалась с одним человеком из ин-

тернета. О погоде, об искусстве, ни о чём. А я тогда на Васнецова снимала жильё. И зашла после работы в соседний магазин. Хожу между полок, вижу чей-то пристальный взгляд, и лицо смутно знакомо... Вечером приходит от него сообщение: «Я тебя видел в хозтоварах. Ты такая МОЩЬ!!!»

Он мне ещё потом сказал: «Надеюсь, ты не в Сбербанке работаешь? Потому что я собираюсь эту контору взрывать». Не знаю, что она ему сделала. Я-то сама – в мелком дурацком банке. А этот парень, как Джеймс Бонд, не сообщает, где работает. Я спрашиваю: «Ты, наверно, журналист?» – «Не позорь меня, – говорит. – Я журналистов ненавижу, они даже хуже, чем Сбербанк». Я говорю: «Скоро ты ещё возненавидишь больших белых женщин». – «Нет, – говорит, – вряд ли. Это единственные людские существа, которых пока можно любить».

Мне интересно с мужчинами, которые много видели, их не удивишь неземной красотой. Но для них, бывает, проститься с человеком, я не знаю... как крошку со стола смахнуть!

Сейчас расскажу один случай. Как вспомню, плакать хочется.

В июне того лета у меня было совсем плохое настроение, и я ушла в астрал. Взяла несколько дней отпуска, чтобы тупо сидеть дома и никого не видеть.

А я тогда уже вывесила своё фото с причесоном. Однажды утром выхожу из астрала на сайт знакомств. Там на экране

сбоку торчат всякие лидеры. Вижу, мужчина, 47 лет, с объявлением: «Нужна домработница. Очень срочно, не интим!»

Моё одиночество, видимо, в тот момент зашкалило. Я пишу ему, не знаю зачем: «Уберусь у вас дома за умеренную плату».

Он мне звонит: так и так, домработница ушла в запой, прибраться некому. Я, мол, вечером за тобой заеду.

Ну, поговорили. И я, честно сказать, забыла сразу. Думала: так, пошутили. Кроссовочки надела и вышла погулять. Времени часов десять вечера, я на стадион поскакала, хотела побегать. Звонок. Злой такой мужик в трубке... Говорю: «Слушай, я что-то брякнула, не подумав. Какая сейчас уборка?» Он рычит: «Да я уже на полдороге!» Ну, села на лавочку, жду.

Подъезжает, весь какой-то не в себе. Открывает багажник, достаёт курицу, начинает жадно есть. Ещё тычет мне в лицо куриной ногой, давай, говорит, поужинаем.

Поел, подобрел. Я ему: «Нет, товарищ, слишком ты странный, я к тебе в гости боюсь, хоть и большая девочка».

Он чуть не заплакал.

Ну что, помчались к нему. По пути он целый мешок пива купил и винища. Чтобы, говорит, уборка в праздник превратилась. «Сейчас, родная, всё оформим!» – и набрал напитков, как на свадьбу.

А я ещё еду и всю дорогу причитаю: «Тебе со мной не расплатиться!» – и всё в таком духе. То есть шучу, а он не

понимает.

Захожу в дом... Мама родная! Чуть назад не вышла.

Посуды – до потолка, несколько баков тоже с посудой стоят. Вечеринка явно была неслабая. На полу бумажки, окурки, чего только нет. Видно, что личность творческая, чистой не заморачивается.

Блин, ну что делать? Я музыку включила погромче – и вперёд. К утру всё это дело разгребла и бутылку вина заодно выпила.

Он что-нибудь попросит – я сразу же: плюс ещё сто рублей, плюс двести. Смеюсь.

Под утро каких-то бутербродов нарезали, я уханькалась, как Золушка, помылась в чистеньком душе и отключилась.

Когда я трудилась, он пытался меня смешить, наливал вино, даже мешочек с мусором вынес пару раз. Секса не было. Он, может, и случился бы, но только не с уборщицей без задних ног. Уснули, и всё.

В обед следующего дня он меня повёз в центр. А я без косметики и в спортивном костюме, почти бомжихой выгляжу, страшно неудобно.

Ну вот. Мне выходить, он руку тянет к карману: «Как мне тебя отблагодарить? Ты вчера всё прибавляла и прибавляла...» И мне вдруг до того стрёмно стало. Я говорю: «Да ладно! Все люди – практически братья. Мы с тобой повеселились, вина выпили, заодно и убрались. Так что не парься!» И ушла.

У меня, честно говоря, не было с ним желания встречаться. У него, я думаю, тоже. Ему, наверно, просто неловко было.

Проходит месяц. В пятницу я спускаюсь в метро, собралась домой. Звонок от него, буквально вопль: «Ты самая белая, самая большая белая женщина, самая лучшая, типа, единственная, спаси меня! Ты где?!» Я говорю: «В метро». – «Мне твоя помощь нужна! Пожалуйста, бери такси и приезжай». Я говорю: «Если столько же, сколько в прошлый раз, тебе дешевле вызвать профессиональных уборщиков». – «Нет, – говорит, – уборки не будет вообще. Прошу тебя!»

Беру такси, приезжаю. Выскакивает весь в тревоге и податый. Смотрит на меня, как баран на баранину: «Ты, оказывается, симпатичная!» Я спрашиваю: «Чего хотел?» А он, видишь ли, председатель садового товарищества, и ему послезавтра отчитываться на ревизионной комиссии за год.

Ни одного документа не готово, клавиатурой не владеет. Короче, у парня истерика. Там надо дебит с кредитом подбить, показать, куда членские взносы ушли, план платежей на будущий год, и ещё всякая хрень. А на руках – только чеки да какие-то расписки.

Я хотела отказаться. Но он натурально заплакал.

Могло у меня женское сердце выдержать?? Женское точно не могло.

Спрашиваю: «Почему я, блин? Кто я тебе?» – «Ты, – говорит, – большая белая женщина, так выглядишь, будто для

тебя нет невозможных вещей».

Я ненавижу цифры и бухучёт, но тут мой экономический диплом и слепая печать пригодились. Он, правда, был весь на нервной почве. Кричал на меня, срывался в истерику – тоже начальничек. Я вставала два раза, чтобы уйти. Говорю: «Какого фига ты орёшь? Ты даже не знаешь, как меня зовут». Нашёл себе рабыню Изауру... Инфантил.

Ну и всё. Я это осилила за сутки. И уехала. Убежала, можно сказать. Кстатi, так и не познакомились. Как мужчина он меня совсем не интересовал. А так, наверно, не самый плохой в мире человек. Он же честно деньги предлагал, вызывал такси до дома, пятое-десятое, полный пансион, только напечатать, родная!..

Вот ещё был выразительный кадр.

Дяденька, весь холёный и одинокий. Анатолий, 51 год. Подвёз меня случайно от банка до супермаркета. Пока вёз, я ему призналась, что мне завтра 30 исполняется. Поэтому надо продуктов прикупить.

Ну, я шопинг совершила, с чувством, не торопясь. Сорок минут прошло. Выхожу на улицу – он ждёт.

Сидит за рулём, весь в костюме, комик! Говорит: «Зачем тебе ехать домой? Погнали ко мне, отметим твой день рождения». Честно сказать, мне было фиолетово, куда ехать. Если горячая вода есть, то почему не поехать? У меня трубы вечно чинят и мыться надо из чайника.

Хотя я сама знаю, что чайник и трубы значения не играют, а значение играет одинокая нервная почва.

Ну что, приехали к нему домой, я в ванну закинулась надолго, отмокла до полной прозрачности. Потом сели за стол, чокнулись, отметили вдвоём. И я в тот вечер осталась у него.

В пятницу он меня зовёт на дачу к друзьям. Тёплая компания, мужчины и девушки, знакомит со всеми. Одна там, Марианна, глядит на меня с выражением. Я понимаю, что я на этом кастинге не первая и даже не десятая. На следующий день – баня и шашлыки.

Вечером в субботу сидим с девушками, разговорились.

Забегает Марианна: «Тебя Анатолий зовёт – срочно! Он уже наверху спать лёг. У него там больная спина».

Пошла наверх. И он вдруг меня, как школьницу, построил. Мол, нечего шататься среди ночи, если твой мужчина уже пошёл спать.

Ну, он, понятно, важный босс. Менеджер высокого звена. Я робею, чуть ли не на «вы» называю.

Если, допустим, радио в машине, Киркоров поёт, то выключить нельзя. То, что пульт от телевизора мне трогать запрещено, я ещё раньше поняла.

После работы приезжаю. Он лежит на диване, снова спина болит. Хотя, наверно, больше сочиняет. Когда надо, вскакивает очень бодро.

Я на кухне воду в чайник наливаю. Ему с дивана видно. Нажимаю помпу на канистре. Он мне кричит:

– Ты чего там наливаешь два часа?

– Чайник.

– Так ты налей кружку себе. Чего столько лить-то?

Я спрашиваю:

– А вдруг я две захочу?

– Слушай, ты! Пока ты со мной общаешься, будешь делать так, как я сказал. Научишься у меня на цыпочках стоять.

Ну, я ему вежливо предлагаю: «Знаете, Толя, не пойти ли вам нахуй, например?»

И уехала. Даже перекрестилась.

Он мне сам накануне сказал: «Не могу понять, почему ты со мной возишься?»

А я возилась, потому что он неплохой, потому что одиночка. Думала: может, как-нибудь срастётся?... Но не могу, хоть убей. Скучно.

Последние пятнадцать лет он спит с женщинами за босоножки. Или просто за деньги. А меня всё это слабо волнует. То есть деньги мне, конечно, интересны, только если они мои.

В общем, кажется, неправильно я кадры выбираю. Не умею вести кадровую политику. Не умею – значит, и не буду. Одна, значит, просижу.

Он мне звонит перед Новым годом, сообщает: «Я нахожусь в магазине „Л'Этуаль“. Даю трубку продавщице. Быстро назови ей всё, что тебе надо!»

Я не буду врать, что мне ничего не надо. Наоборот, мне

много чего нужно бывает. Но мне вот стрёмно до ужаса! Говорю: «Девушка, верните, пожалуйста, телефон мужчине».

У меня есть любимая подруга – Люба пятый номер.

Она мне потом сказала: «Не дай бог, ты бы этой лэтуальской продавщице на лишние три тысячи рублей косметики наговорила! Он бы тебя съел, как тогда с водой из канистры».

Люба пятый номер, когда смеётся, держит пальцы под глазами, чтобы не было морщин. Иногда она произносит крылатые мысли. Например, такой афоризм: «Если человек неоднократно ведёт себя как мудака, это, скорее всего, объясняется тем, что он мудака».

Последние месяцы Люба ушла в переписку с итальянцем. Совсем перестала потреблять булки, зато глотает килограммы черники. И вот она сидит длинными вечерами перед компьютером, с чёрными от черники губами и со своим пятым номером. Скоро, боюсь, он будет третий. Скоро я Любу вообще не увижу вследствие отказа от булок. Теряем мы Любу уже несколько месяцев!

Иногда мы с ней говорим о ревности.

У меня был знакомый путешественник по Юго-Восточной Азии. Больше всего он любил Тайвань. А в Таиланде у него завелась тайка. И она его как-то сильно заревновала... Мол, когда ты в России, у тебя там русские любовницы. И он с ней из-за этого навсегда порвал. Говорит: зачем мне в Таиланде русский геморрой? Это он ревность имеет в виду.

Получается, что ревность – чисто русская заморочка?

Иногда мне кажется, что я на людей трачусь намного больше, чем нужно. Но мне, в общем-то, больше некуда тратить-ся. И я не жалею.

У нас на работе позади меня сидит девушка. Она такая правильная – туши свет. Никогда не опаздывает. Смеётся тихонько, в кулачок. У неё высокоразвитое чувство долга, все её ценят. Она заказывает обеды внизу в столовой на неделю вперёд и за две недели планирует посещение кинотеатра.

Сейчас у неё закончится рабочий день, она ждёт друга – он её заберёт минут через десять; я даже знаю, какой сериал они будут смотреть. Она будет параллельно вышивать крестиком, у неё действительно красиво получается, мне так никогда не сделать. И в полдесятого она ляжет спать, иначе не выспится.

Но, блин, когда я вижу, как она пять часов подряд крыжит и крыжит, крыжит и крыжит, мне сразу хочется напиться, упасть и умереть.

Я не очень-то умная, неправильная. Если я влюблена, то всё – пипец. Мне лучше поскорей уползти в свой сугроб. Чтобы ничего не натворить.

Мы сидим на работе – шесть девочек в одной комнате. Все одинокие. Две с детьми. И в обед зашёл такой разговор, что мы чего-то ищем и ждём. А эти, которые с детьми, уже

не ищут и не ждут. Ну, то есть им нужен человек мужского пола, но скорей как помощник, и всё. Желательно приходящий-уходящий. Потому что через два дня совместной жизни человек мужского пола начинает дико раздражать.

Я запомнила, с Анастасией был наглядный пример. У неё двое детей. И она в том году ездила в санаторий. Там познакомилась с мужчиной. Считаю, влюбилась. Мужчина глубоко женатый. Пришла из отпуска, вся неземная, собирается устроить ему романтический вечер.

Романтический вечер, если кто не в курсе, состоит из прозрачных чулок, красных свечей и жареных куриц. И мы с ней целую неделю в обеденное время скакали по магазинам в поисках сувенирных свечек. Она меня таскала.

А саму себя как участницу романтического вечера, в чулках и со свечами, я никак не вижу, хоть убей... В общем, деньги на куриц ей пришлось у меня занимать. Потому что она платит ипотеку, плюс детей кормить-обувать.

Тот женатый вечером приходит, чулки и всё такое.

Потом второй раз приходит. А потом он третий раз пришёл – и она его просто выгнала.

Спрашиваю: Настя, а что случилось-то, почему? «Да потому что толку от него нет. И денег у меня тоже нет, курятину каждый раз покупать».

Вряд ли она, конечно, рассчитывала на материальную помощь. Но хотя бы курицу он мог сам принести?

Вот и вся личная жизнь.

Зато моя личная жизнь, к сожалению, остросюжетная.

У меня был приятель Серёжа, адвокат и алкаш. Внешность, как у Семён Семёныча из «Бриллиантовой руки», и кепка точно такая же.

Звонит как-то раз, приглашает встретиться. Договорились в летнем кафе возле казино.

Я заехала домой, чтобы переодеться. Смотрю своё бельё: чистых трусов нет, всё выброшено в стирку. Пришлось надеть джинсы на голое тело. Это я по секрету говорю, а то неудобно.

Сидим в кафе. Он пьёт вино, я – кофе, разговариваем. Он так заметно веселеет. Приглашает ехать к нему, продолжить.

Я думаю: скоро его развезёт, и куда я с ним, пьяным? Ну, и всячески отнекиваюсь.

И вдруг он говорит: «А знаешь, что у меня дома есть? У меня дома есть трусы!!»

Странное заявление. Я так потрогала тихонько спину: вроде задница не виднеется. Короче говоря, заинтриговал меня этим обстоятельством: как он мог догадаться, что я без них?

Мы поймали машину и поехали на Комсомольскую. А там оказалось, что ему друг отдал коробки с женскими трусами, потому что жена друга этим бизнесом расхотела заниматься. И он их раздаёт всем подряд.

С Комсомольской я ушла только утром, очень сильно влюблённая. Даже не ожидала такого от «бриллиантовой ру-

ки».

Любила я его ровно полгода. Потом наконец заставила себя понять, что сам-то он ни фига не влюблённый! Да ещё нечаянно подслушала, как он друзьям на кухне жаловался: «Видно, судьба моя такая, толстеньких трахать». Такая печаль, дескать. Друзья, конечно, поржали.

Мне так было больно. Хотя я потом с ними сидела, смеялась.

Короче, уползла к себе в сугроб.

В субботу я уронила арбуз на клавиатуру и пошла во фруктовый киоск за новым арбузом. На обратном пути застряла в кафе, потому что там пусто было, читала роман «Зима тревоги нашей».

И как раз посередине этой «тревоги» звонит мой бриллиантовый алкаш и очень просит приехать. Ну прямо слышно по голосу: плохо человеку.

Примчалась (думаю: в последний раз). Лежит на смертном одре. Буквально последняя весна Некрасова. На столе пустые бутылки от водки и коньяка. Я села, задаю наводящие вопросы... Интервьюер во мне пропадает. Адвокат только мычит и страдает.

Вдруг звонок в дверь. Открываю, стоят четыре девицы.

Выяснилось: он, пока меня ждал, зачем-то заказал проституток...

Блин. Вот скажи после этого, что у Любы пятый номер

афоризмы неправильные!

Девицы заходят в квартиру таким манером, как будто подписи в защиту архитектуры собирают. Реально красивые, ухоженные, четыре штуки – на выбор. В том числе две блондинки. Одна, правда, была в юбке-поясе. Я говорю: «Спасибо вам, девушки, за ваш нечеловеческий труд! Но клиент занемог и лежит без сил».

Кое-как ушли.

Серёжа, адвокат хренов, уже весь трясётся перед гибелью, смотрит умоляюще. Последняя весна в разгаре. Я говорю сурово: «Подсудимый! Ваше последнее желание!» Вместо последнего желания показывает пальцем на пустую бутылку: мол, принеси ещё, а?

Времени скоро двенадцать ночи. Я говорю: «Фиг тебе, а не коньяк! За пивом, ладно, схожу». Он хрипит: «Побольше!..»

Спустилась в гастроном – там до двенадцати.

Успела. Стою на кассе с пивом. За мной в очереди мужчина, весь такой из себя смуглый мачо.

И этот мачо, глядя сначала на мою корзину, потом на меня, говорит:

– Как много пива... И как много лишнего веса!

И кассирша тут же. Подло так хмыкает.

Ну, я молчу. Только повернулась к нему и улыбнулась, как могла, всем своим декольте. А сама, конечно, в ступоре, и на душе противно.

Хорошо, думаю, сейчас будет реабилитация!

Подхожу к терминалу, где кладут деньги на телефон. Плачу за телефон, а чек оставляю. Там же мой номер.

Знаю точно: сейчас позвонит.

Иду назад к своему Некрасову, он уже передумал умирать. Крашусь по-быстрому. Жду.

Звонит, конечно. Куда он денется? Мачо-фигачо.

– И куда же вы, леди, исчезли? Я за вами! Вас нигде! Где ваша резиденция? Не могли бы сойти вниз?

Спускаюсь прогулочным шагом, гляжу с надменным удивлением: кто это вообще? зачем припёрся? Он сразу начинает козырять: инструктор, выступающий спортсмен, ага, культурист. Тренер в «Королевстве фитнеса». Пошлое название, сразу вижу.

– Поедьте, – говорит, – со мной завтра на презентацию?

– Некогда мне с вами презентовать, я на дачу собираюсь.

– Тогда, – говорит, – я сам не поеду, а вас на дачу отвезу.

Уже совсем откровенно спрашиваю: «Чего тебе надо? Я вроде бы не твой формат, столько лишнего веса!» А он: «Ты что! Был бы человек, а красивое тело я сам сделаю. Хочешь, я тебя потренирую?»

– Иди, – говорю, – делай чьё-нибудь другое тело. А я ещё посмотрю на твоё поведение.

Нет, он, конечно, мачо, загорелый весь. А мне-то что?

Сижу потом на работе, звонит: «Еду за тобой! Есть уникальный план! Сначала мы к тебе едем отдыхать, а потом – тренироваться».

Я говорю: «Отдыхать ко мне мы с тобой вряд ли поедем. А вот тренироваться тоже вряд ли».

И тут он заявляет: «Дура ты. Мне богатые девушки за секс деньги предлагают, лишь бы с ними поспал. А ты за так не хочешь, дура последняя!»

После этого, правда, ещё звонил – уже звал просто в кино. Прислал мне фотографию своей голой спины. Готовился к соревнованиям и нашёл на спине какой-то жир. И не стрёмно ему было спину мне присылать?

Хотя зря я собой люблюсь. Чем тут любоваться? Я, может, даже низко себя вела.

Люба пятый номер говорит: «Ничего низкого с твоей стороны. Это с его стороны низко было так знакомиться с девушкой!»

А он же спортсмен, возит с собой банки с едой. Жиры нет, углеводов нет, ест по часам. А встречные девушки должны служить доказательством его успеха.

И что у нас теперь есть на горизонте? Ничего нету. И лето уходит.

Насчёт сезонов могу сказать: я не люблю осень, зиму и весну.

А сейчас вот чувствую – лето умирает. Хожу реву. Мысленно, конечно.

Ночью пошла полюбоваться на тот сайт с причесомом, как на разбитое корыто. Есть хоть кто-нибудь живой, с углево-

дами?

Ну, и что я вижу. Анкета, без фотографии.

Евгений, 44 года. Знак зодиака – Водолей.

О себе. Кажется, неплохой собеседник.

Познакомлюсь с девушкой в возрасте 20–60 лет.

Кого я хочу найти: собутыльника и друга.

Не женат, детей нет.

Ладно, собутыльник так собутыльник.

Начали разговаривать. Как-то внезапно договорились, что пособутыльничаем. Не сегодня, а завтра, например, или в выходные.

Он спрашивает: «Что пить будем?» Говорю: «Я не гурман». Он отвечает: «А я гурман. Но пока, извини, поработаю».

– Что за ночная работа? – не могла не спросить.

– Ну, как тебе сказать. Проект один срочный сочиняю.

– Про что?

– В двух словах, про цветной воздух.

– Может, ты воздухоплаватель?

– Нет, я дизайнер.

Ох, мама родная, думаю.

В пятницу спрашивает: какие планы на вечер? А я только приехала, чего-то жарю на плите.

– Приятного аппетита, – говорит. – А может, потом по стаканчику? Я заеду. У меня хороший погреб.

– Какой ещё погреб?

– Винный.

– Может, ты маньяк? – спрашиваю. – На женщин нападаешь? А то я крепкая девочка, могу и сама при желании напасть. Сознаться, в погребе удушал кого-нибудь?

– Нет, у меня там только вино дорогое.

Приезжает, смотрит на меня. И тут я понимаю, что наконец-то снова пропала.

Особые приметы: старые глаза и молодое лицо, очень чёткие губы. Не скажу, что он мне сразу сильно понравился. Сразу мне никто... Но чувствую, что – может.

Едем мы к нему. Лучше бы не ездили. Дом – белая горячка одинокого миллионера, фантазии братьев Гримм. И так мне печально стало! Знаю заранее, что мне лучше не вглядываться. Печально из-за того, что я с такими гражданами чувствую себя неполноценной. Ну, то есть у них своя свадьба, а я – сама себе звезда.

Мы, конечно, спустились в этот погреб, там вино понатыкано в стенки. Он спрашивает, с чего начнем: «Романи-Конти» или «Перрье-Жуэ»? Я говорю:

– Не выёживайся, пожалуйста! Бери любое.

Ходили мы в погреб несколько раз. Потом лень стало спускаться, начали доставать из шкафа.

А у него в комнате, рядом с кухней, огромная круглая кровать, типа степь да степь кругом, но на четыре сектора поде-

лена. Я в жизни таких больших кроватей не видела. Сидим в отдалённых секторах, дегустируем бутылки.

Возле камина полупрозрачные камни – как будто непроизвольно растут. Спрашиваю: кто эту суеторию придумал? Сам, говорит. Ещё какую-то премию получил.

Просыпаюсь ночью на той же кровати, в своём секторе, вся в одежде, как была... Красотка! Ноги на полу, причёски нет. Короче говоря, произвожу обратное впечатление.

Озираюсь, он где-то вдалеке залёг, на другом конце степи. Тоже просыпается. «Пойдём сюда», – говорит. Кое-как дошла, уснули.

Ну, разделись, правда, частично. Утром просыпаемся в обнимку, ничего не поняли, смутились.

Я умылась, взяла бутылку вина и пошла на крышу. Там площадка с плетёными креслами и чей-то старинный корабль стоит.

Оттуда, прямо с крыши, звоню Любе пятый номер. Говорю: «Люба, я дура дурацкая, мне раз в пятилетку мужчина понравился, а я опять веду себя неприглядно!»

Посмотрела ещё на утренний город, выпила вина, уронила бокал, пока спускалась.

Он с утра жарил креветки и зелёную лапшу варил.

Плохо мне было, неудобно. Ну не могу я с такими людьми общаться. Мне кажется, я из другого измерения.

В общем, довёз он меня до дома, и всё.

Я мысленно попрощалась навеки, налила себе чаю, набра-

ла фамилию в Яндексe и тихонько охренела.

«Миланский триумф», какие-то обложки сверкают, Дино де Лаурентис обнимает за плечи, рядом дама, вылитая Моника Беллуччи. Рядом Филипп Старк говорит: «экселент» и «сплендид».

Ну, ясно. Ещё раз попрощалась.

Назавтра снова звонит:

– Слушай. А почему ты сказала, что мы с тобой больше не увидимся?

Я даже не помню, что произносила такие слова.

– А почему ты спрашиваешь?

– Да мне тут скоро предстоит хирургическое вмешательство...

– Опасное что-то?

– Ну, такое вмешательство, что я после него – или пан, или пропан.

(В интернете потом глянула: пропан, пишут, огнеопасный газ. Взрывается и всё такое. Чуть не заплакала.)

– Вот я и подумал: либо ты меня хоронишь, либо совсем не интересую тебя как мужчина.

– Мне, – говорю, – немножко стыдно признаться. Но ты меня именно что интересуешь как мужчина. Даже если ты половой маньяк. Но твой светлый знаменитый образ, твой погреб и твоя круговая кровать с секторами портят всё это дело напрочь.

– Спасибо, конечно, за такие слова. Я бы тебя сейчас хотел погладить по лицу и по губам.

– Знаешь, если кому-то и хочется меня погладить по лицу и по губам, то это только по телефону. А в реале всё очень сомнительно.

– Ты меня плохо знаешь, – говорит. – Когда у меня такое желание появляется, то без разницы, в реале или в виртуале, но я хочу этого непременно.

– Ладно, всё. Закрыли тему. Я раньше переживала: с чего это я такая одинокая? А потом поняла: это абсолютно всех касается. У мужчин разве не так?

– Да мужчине об этом некогда думать. Он в систему влезает, как шпунтик, и вертится, пока не сломают. То рабочий муравей, то клерк, то мудак политический. В крайнем случае волк-одиночка.

– Я, скорей всего, тоже клерк.

– Ты женщина, да ещё какая!

– У тебя, наверно, все дамы утончённые, с длинными кистями и пыльным взором, и ноги у них узкие. А у меня такого нет, и подъём огромный. Ещё вот ноготь на большом пальце слез.

– Не горюй, девочка, он у тебя вырастет уже к зиме!

– Ну да, да. Я не горюю, я как есть... А ты знаменитость, цветной воздух, типа.

– Лучше бы я был заведомом в банке, да?

– Не-не! Боже упаси. Тогда лучше сторожем или такси-

стом... У меня, кстати, руки и ноги тяжёлые. Как ты терпел мои обнимания во сне?

– Сам не знаю, чуть не погиб.

– Я даже не знаю, как с тобой женщины целуются. Они же стесняются, по-любому! Или они тебя насилуют.

Тут после разговора мне в голову пришло, что я вообще его не представляю в этом процессе.

Дома сижу, опять жду звонка. На сайт выйти не могу.

Я, когда арбуз уронила на клавиатуру, наверно, какой-то файл удалила. После этого связь падает, почта не идёт, и как тут влюбляться??

Люба пятый номер меня спрашивает, по какому принципу я выбираю людей. Вхожу в задумчивость. Могу только сказать: мне нравятся свободные. Которые сами для себя решают, как жить, и живут.

Но я вот что не пойму: откуда в людях такая жалкость? У каждого буквально, пусть он уже сто пятьдесят тысяч миллионов раз Дино де Лаурентис, всё равно – страх и жалкость.

Обращаюсь к Любе с тупым вопросом: скажи, мы ведь раньше все кем-то были? У Любы голова ясная. Раньше, говорит, мы все были детьми.

Да, это я ещё помню. Как я претендовала на вакансию снежинки.

Когда мои родители поженились, им дали временное жи-

льё с туалетом на улице. В этом временном жильё я прожила двенадцать лет, потому что советская власть сменилась и оно стало постоянным.

Мне-то было нормально, а вот моей маме с двумя детьми, с водой из колонки и общим туалетом на улице, наверно, было не очень.

Я ходила в детсад, там на Новый год нужны наряды – все девочки снежинки! Это же главное счастье.

Матери некогда, она ругается на меня: «Придумали всякую херню, какие-то наряды!..» Ну, пришивала, конечно, к платью мишуру снизу, прямо накануне, поздно вечером – я к тому времени уже вся исстрадаюсь.

Отец делал мне корону, тоже почти ночью. У нас были пластинки маленькие, они лежали в папке, а на ней снежинка нарисована. Он эту снежинку как-то обводил, переносил на картон, фольгой обклеивал – и ёлочные колотые игрушки сверху, чтобы гламурно блестело.

И резинку от трусов – чтобы держалось.

Ну вот. Близится Новый год, завтра утренник. Все девочки в садике уже обсудили, кто кем будет и что кому шьют.

Прихожу домой, отец телевизор смотрит. Я хожу вокруг него: мол, давай уже корону-то делай!

Он отмахивается: «Да сделаю, успею».

А время поджимает, уже темно, зима ведь, мне спать вроде как надо. Он говорит: «Всё! Сейчас делать начинаю», – и ватман достаёт.

Я поверила и ушла спать.

Наутро встаю... Пипец. Вместо короны – шляпа мухомора.

Ему, видно, лень было заморачиваться, он по-быстрому вырезал круг и свернул в конус.

Ну и всё. Я была мухомором среди снежинок.

Это сейчас – чем больше выпендришься, тем лучше. А тогда? Я была толстая. Меня даже не взяли показывать гостям аэробiku.

Тут у нас день рождения начальницы случился, и меня заставили выпить полбутылки шампанского. В этот момент звонит моя дизайнерская звезда. Спрашиваю:

– Когда у тебя будет вмешательство «пан или пропан»?

– Уже через четыре дня. Скажи мне что-нибудь радикальное!

– В каком смысле? Что-то страшное?

– Хорошо, давай страшное.

Подумала и говорю, под влиянием шампанского:

– Я тебя изнасилую.

Он подумал и говорит:

– Симпатичная мысль, творческая.

– Радикально получилось?

– Да, мне понравилось. Как только оклемаюсь после хирургии, сразу позову тебя встречаться.

– Ну всё, замётано. Я по такому случаю накрасшусь, так и

быть.

Ещё минут пять поговорили о положении в мире. Прощаемся.

– Ну ладно, – говорю, – береги себя там! Мне всё-таки ещё тебя насиловать предстоит.

– Ради этого постараюсь.

Я потом полчаса в зеркале себя разглядывала, невзирая ни на кого. Тоже ещё снежинка.

История вторая **Цветной воздух**

Я позвонил ей за четыре дня до своей смерти, потому что оказалось, больше некому позвонить.

Она была слегка пьяная, поздравляли кого-то на работе, и разговаривала смелее, чем в тот вечер, когда осталась у меня ночевать.

Звонил-то я с одной целью – попрощаться, и всё.

Но она вдруг захотела условиться о каком-то любовном будущем, пообещала в честь меня накраситься и прямо даже изнасиловать. Ну, я говорю, согласен быть потерпевшим.

А что я мог ответить? Не приглашать же её пить компот на моих поминках.

Я уже давно заметил, как на некоторых отдельно взятых лицах появляется черта обречённости. Ещё месяц, ещё неде-

лю назад её точно не было, а потом – раз, и видишь эту ужасающую окончательность. Независимо от возраста. Конец фильма осознаёшь до того, как поплывут заключительные титры, белые на чёрном.

Но вот заглянуть в зеркало, чтобы оценить своё лицо с этой же точки зрения, насчёт близости к финалу, я догадался только недавно, в апреле, после свидания с врачом, которая меня сразила своей надменностью.

Она сидела за столиком, похожим на туалетный, поджигала круглые ноги в нейлоновой сеточке и разглядывала квитанцию об оплате её бесценных консультационных услуг. Плательщика и подателя квитанции, который вздумал тут бубнить о том, «что беспокоит», то есть меня, даже не удостоила взглядом. Зато раза два извилисто передёрнула бёдрами и плечами, как будто подтянула тесную сбрую или портупею, наспех упрятанную под халат.

О том, что я должен лечь на операцию, она сказала таким тоном, словно известила дырявое мусорное ведро, что ему предстоит быть опорожнённым. Или, возможно, остаться на помойке вместе с содержимым. Тут уж как повезёт.

Я ещё имел глупость поинтересоваться: чего ожидать в случае удачной операции? На что надеяться-то?

Она так возмутилась, что наконец вскинула на меня глаза, полупрозрачные, как холодец: «А вы чего хотели, мужчина?!» И снова трепетно поддёрнула сбрую под халатом. Дескать, что за нескромный запрос, постыдились бы! Да, я по-

нимаю. Клиенту морга лучше помолчать в тряпочку.

Мне захотелось разбить в щепки этот блядский туалетный столик, но я воздержался. Будем считать, пациент сам напрашивается на презрение, когда заискивает перед врачом. Взрослые достойные люди, очутившись в медкабинете, как-то мгновенно скисают, превращаются в покорных овец. На них тяжело и неприятно смотреть.

Поэтому не стал я столики сокрушать, а молча пошёл на воздух.

Когда в апреле на обочине тротуара плавают под солнцем остатки снега, они горят ослепительнее, чем свежий сугроб. Меня всю сознательную жизнь больше любых цветов привлекал белый. И мой самый удачный проект, который громче всего хвалили и награждали, назывался «Белое на белом». Но сейчас меня гораздо сильнее интересует цветной воздух.

Уйдя от врачихи, я мысленно ещё немного проплевался в сторону портупей и чулок в сеточку, доделал одну срочную работу и спустя полторы недели поехал в правильный медицинский центр на обследование. Там с утра тихая очередь томится в кожаных креслах с общим выражением на лицах: «Участь моя решена». Деликатный женский голос приглашает тебя по имени-отчеству пройти в очередной кабинет. На меня таких кабинетов понадобилось четыре. И в каждом из них разные спокойные ребята одинаково твёрдо и сочувственно мне сказали: да, операция нужна, чем скорее, тем

лучше. Внятно и по-честному.

Только вот в паузе между третьим и четвёртым кабинетами случилась коварная засада.

Со мной вдруг разоткровенничалась одна красивая особа из соседнего кресла, по виду советская фотомодель на пенсии. Ей не терпелось поведать о своём муже, кажется, уже покойном, которому делали точно такую же операцию. Он, конечно, был сильный и мужественный человек – генеральный конструктор пивзавода! Хотя, конечно, хронический гипертоник. А хирурги здесь, конечно, самые лучшие в городе. Но перед началом операции анестезиолог делает укол в глазное яблоко. Это, конечно, бывает очень больно. А у хронического гипертоника в момент укола в глаз, конечно, может случиться скачок давления. А скачок давления во время такой операции, конечно, грозит кровоизлиянием, если не в глаз, то в мозг.

Когда она четвёртый или пятый раз упомянула укол в глазное яблоко, я заметил, что моё неслабое воображение потихоньку сползает на грань обморока. Если вообще возможен обморок воображения.

Потом меня позвали в последний кабинет, и я так и не услышал, что произошло с генеральным конструктором пивзавода, хотя я не отказался бы узнать, например, отчего он умер. Как-никак мой товарищ по несчастью. Но больше его прекрасную вдову я ни разу не встречал.

В четвёртом кабинете мне назначили экзекуцию на конец

мая, и я поехал домой. Дома я разделся догола, мысленно поставил будильник на бесконечность и лёг спать. Я так делаю, когда хочу отвернуться от всего белого света и поглубже уткнуться в себя.

Проснулся уже в сумерках, смертельно голодный, поэтому оделся, умылся и пошёл в магазин. Вокруг моего дома все магазины дорогие, но парфозные. Там можно купить манго-станы или мраморную говядину, но пахнет попкорном и тухлой рыбой. А на углу соседнего квартала есть маленький хороший гастроном, который держат татары. Продукты у них обыкновенные, зато обслуживают так, что хочется остаться и жить. Прямо возле прилавка.

На крыльце татарского гастронома сидела Надежда Викторовна, синюшная и грустная. Она ужинала. Возле неё на ступеньках стояли картонный стаканчик из-под кофе, бутылка «Аква Минерале» и пластиковая тарелка с корейской морковью. Выглядела Надежда Викторовна гораздо хуже, чем зимой. Зимой она ещё красила губы и кокетничала с местными алкоголиками. А тут совсем посинела и опухла.

Я сел рядом на ступеньку и пожелал Надежде Викторовне приятного аппетита. Она поглядела на меня почти со страхом. Было видно, что она готова обороняться, чтобы не прогнали, но пока не знает – как.

Покупатели старательно обходили нашу ступеньку.

Наконец Надежда Викторовна придумала веский аргумент защиты и объявила во всеуслышание:

– За мной сейчас *машина* придёт!

И даже не суть важно, что за машина имелась в виду: милицейский уазик, такси или, допустим, свадебный лимузин. Всё равно прозвучало круто. Я легко представил, как через весь город, возможно, с мигалкой и сиреной, летит специальное авто за Надеждой Викторовной, пока она не торопясь доедает свою корейскую морковь. И не дай бог, какой-нибудь ублюдок заподозрит, будто Надежда Викторовна никому в мире на хрен не нужна! За ней сейчас *машина* придёт.

Лет шесть назад я был в гостях у одного приятеля, чью фамилию я называть не буду. Потому что упоминать его фамилию равносильно бесстыдной похвальбе. Приятель купил дом на Ривьере и чистосердечно, с удовольствием приглашал к себе. Я позвонил ему по дороге из аэропорта, и он сказал: «Приезжай немедленно! У меня здесь такой гость!...»

Когда я зашёл в гостиную, примыкающую к внутреннему садику, там сидел Ив Сен-Лоран собственной персоной. Вид у него был больной и усталый. На столе перед ним стояли крошечная кофейная чашка и бокал с минеральной водой. Хозяин дома познакомил нас и на две-три минуты оставил наедине.

Я молчал. Молчать было невежливо, но дежурные замечания о погоде-природе мне кажутся и вовсе бездарной насмешкой.

Знаменитый кутюрье, видимо, тоже почувствовал неловкость, он сделал неопределённое движение рукой в сторону

выхода и сказал по-английски:

– За мной сейчас машина придёт.

Не знаю, зачем он это сообщил. Может, просто давал понять, что скоро освободит нас от своего сиятельного присутствия. И куда в таком случае девался автомобиль, который его сюда привёз?

Этот эпизод мне вспомнился только потому, что наша районная бродяжка Надежда Викторовна абсолютно безошибочно срифмовала себя с мировой знаменитостью, почти не отличишь. Хотя у Надежды Викторовны, я заметил, гораздо сильнее понты, чем у Ива Сен-Лорана. Из-за этих понтов я, например, больше не решаюсь предлагать ей денег (уже пробовал), поскольку могу быть сразу послан в зад или за вином. Тогда, скорей всего, я тоже захочу её послать.

Когда шёл назад из магазина, меня догнала мысль, что я мог позвать Надежду Викторовну к себе домой и дать ей возможность вымыться в ванне. Но я догадывался, что одной помывкой история не ограничится, мне придётся иметь в виду или даже курировать дальнейшую участь Надежды Викторовны. А момент таков, что мне пора бы уже собственную участь поиметь в виду.

Я шёл по улице, смотрел на этот чудесный май и внятно подозревал, что он у меня последний.

Дома я решил приготовить ужин из продуктов, которых сто лет себе не позволял по причине их сугубой вредно-

сти. Ужин, прямо скажем, удался. Лучше всего у меня получились поджаренные беляши Теряевского мясокомбината и крабовые чипсы из Республики Вьетнам. Считается, что сто грамм красного вина – вообще одна чистая польза. Поэтому я причинил себе эту пользу шесть раз.

А наавтра я позвонил в тот правильный медицинский центр, чтобы перенести операцию на конец августа. Девушка в трубке задумчиво поцокала по клавиатуре и назначила мне на 27-е число. Таким простым способом я прибавил себе ещё лето.

В июне меня настиг по мобильному телефону олигарх Федюша. С точки зрения любого нормального дизайнера, живущего на трудных вольных хлебах, Федюша не клиент, а мечта. При своей сыроватой картофельной внешности изнутри он, судя по всему, нежный и трепетный, как девушка. Грязное слово от него редко услышишь – всё больше о прекрасном и вечном. Сделав очередной нескромный интерьер для Федюши, можно купить себе скромную новую квартиру. Позавчерашний коммунист, владелец заводов, газет, теплоходов и карманного банка среднего калибра, Федюша очень своевременно вступил в партию «Единственно Правильная Отчизна», где ему доверили пост второго заместителя председателя политсовета. Правда, когда на последних выборах партия собрала сто тринадцать процентов голосов вместо запланированных ста тридцати процентов, Федюшу

со всей строгостью и укоризной подвинули на место третьего заместителя. И он это унижение стерпел, хотя по-прежнему был в состоянии купить с потрохами весь политсовет.

Где-то с месяц назад Федюша сам нашёл мой номер телефона, сразу перешёл на «ты» и предложил, как он выразился, оформить ему жилплощадь, состоящую не то из девяти, не то из одиннадцати комнат. Я спросил: за что именно мне такая честь?

– Так ты же у нас живая легенда. Про тебя даже Степан Владимирович знает!

Я не стал спрашивать, кто такой Степан Владимирович. Уж как-нибудь обойдусь без этого знания.

В тот раз Федюша позвал меня в ресторан «Троекуровъ» и первым делом выложил на стол кожаную папку с золотым тиснением, похожую на дембельский альбом. Мне предлагалось оценить по достоинству пачку цветастых коллажей, слепленных кем-то очень старательным под Федюшину диктовку. Это была провинциальная мечта о высоком дворцовом стиле: винегрет из ампира и рококо. Фигуристые буфеты с росписями, комоды на львиных лапах, нашлёпки из бронзы. На кухне и в ванной крупноформатная плитка от Верса-че с головой горгоны Медузы – и на стенах, и на полу. Лакированные бараньи рога, завитушки. И жирная-прежирная позолота на всём, включая сантехнику... Одним словом, я оценил.

Я сказал: «Чудовищно красиво», – и посмотрел на часы. Федюша как-то сразу наморщился: «Пренебрегаешь?»

– Да нет, – говорю, – как можно. Грандиозный проект. Но я-то здесь при чём? Всё уже придумано без меня. Мне совесть не позволит запятнать своей подписью такой, не побоюсь этого слова, Версаль.

– А ты что думаешь, я не могу понять? Могу! Я тоже не зверь какой-нибудь! Воля художника, самовыражение и всё такое... Но у меня для тебя будет специальный заказ. Очень специальный! Так сказать, на десерт.

В этот момент официант принес водку и блинчики с икрой.

Федюша выпил две рюмки подряд и заговорил с полным ртом:

– Вот ты говоришь «духовность»...

Слово «духовность» я не произносил никогда. И «самовыражение» – тоже. Мне легче пойти в ванную и повеситься, чем произносить такие слова. Я даже могу дать совет: если человек толкует тебе о самовыражении, духовности и о народных чаяниях – бойся, как бы он тебя не обокрал. По крайней мере добра от него не жди.

Я дослушал инновационную Федюшину мысль о том, что девушки за духовность не отдаются. Им голову сносят кураж, сила и блестящие бирюльки. На мой вопрос, много ли в его бизнесе куража, Федюша с грустной прямоотой ответил: «Не много. Но всегда есть крутой выбор». – «Какой, напри-

мер?» – «Например, заплатит или застрелит. Грубо говоря, но мягко выражаясь».

Уговорив кроличью ногу в сливочном соусе, пельмени из оленины и грейпфрутовое желе, Федюша вернулся мыслями к своему очень специальному заказу.

Вот что мне было сообщено. Спальная комната в его доме должна иметь прихожую, или предбанник, или что-то вроде приёмной – как перед важным кабинетом. Чтобы, значит, там создавалось настроение для будущего ночного таинства. Атмосфера в этом предбаннике должна быть возвышенной и очень волнительной.

Чувствовалось: если это и бред, то любовно выношенный, и ради предбанника своей мечты Федюша не пожалеет ничего и никого. Напоследок он сказал почти с угрозой, что верит в мою гениальность и будет ждать уникальных идей.

Я обещал подумать, сглотнул вторую порцию двойного эспresso и уехал домой, где немедленно забыл о Федюшиных изысках. И вот теперь, спустя месяц, он достал меня по телефону в самый неподходящий момент.

За шесть минут до этого я чуть не отхватил себе мочку одним неловким движением опасной бритвы. Ухо вроде осталось на месте, но крови хватило бы на два триллера. В кастрюльке на кухне варилось яйцо в мешочек, подпрыгивая в такт кипению и словно дразнясь невозможностью уследить за его растущей крутизной. Поверх зеркала с моей недобритой окровавленной образиной голубел клейкий листочек для

заметок, где я записал дату августовской операции. И надо всем этим безобразием телефонная трубка исполняла арию Федюши о том, что блестящий, «конгениальный» проект уже должен быть готов и не сегодня завтра показан клиенту.

«Да, – говорил я отчаянно честным голосом и притискивал горячий ватный снежок к помертвевшей скуле, – да, не сегодня завтра!» Не знаю, зачем я себя так вёл. Чего ради люди сами с головой лезут в ловушку и до такой степени уродуют себя? Наверно, по инерции жизни.

Я выбросил подгоревшее яйцо, лёг на спину, закрыл глаза и вообразил комнату без стен – бесконечно просторную и тёмную, как космос.

Через два с половиной часа Федюша с недоверием спросил, как это можно технически устроить. Технически хотя бы так: зашиваем стены и потолок в гладкую бархатную ткань чёрного цвета, которая проглотит все лучи и блики, а сама будет практически невидима. Два точечных источника света нацеливаем на центр комнаты. И посреди этого «космоса» ставим доисторическую фигуру: первобытную каменную бабу, наподобие Венеры из Виллендорфа. И больше ничего.

Здесь Федюша заметно оживился и начал допытываться, как выглядит первобытная Венера и насколько она хороша собой. Даже уточнил, имеются ли у неё «сиськи-письки» и прочие половые признаки. Меня слегка мутило от разгово-

ра, но я по возможности твёрдо ответил, что признаки имеются. Там, в сущности, больше ничего и нет, кроме половых признаков, она только из них и состоит. Но насчёт «хороша собой» лучше вообще забыть: скорее страшна собой, как и подобает языческому идолу.

Федюша настолько воодушевился, что в тот же вечер позвонил мне снова, чтобы выяснить размеры статуи. Я ответил, что размер мы выберем сами, когда будем заказывать копию. «Никаких копий! – сказал строгий Федюша. – Только настоящую, в полный рост!» И, несмотря на то что я деликатно промолчал, он тут же конвертировал свои намерения в твёрдую валюту: «Ну, сколько она там может стоить, триста-четыреста тысяч евро? А мы что, не знаем цену искусству? Знаем. Даже если и шестьсот! Как говорится, торг уместен...»

По утрам я чувствовал себя чем-то вроде подбитого линкора. Только не знал, где пробоина.

Раньше я пробуждался со счастливым и свежим, как холодное яблоко, ощущением: *всё ещё будет*. А теперь это ощущение начисто пропало. Впервые за долгое время я не встал сразу с постели, а застрял под одеялом и включил телевизор. Правда, убрал звук.

На канале «Animal Planet» обезьяний младенец терзал сосок своей терпеливой мамы, тарасился в разные стороны, и в его ошеломлённых глазках читался неотложный,

можно сказать, кардинальный вопрос: «Для чего я сюда попал? Зачем это всё? Ради какого фига?!»

Если честно, я бы и сам хотел услышать ответ. Я бы даже добавил звук. Но «Animal Planet» уже отвлёкся на каких-то щекастых беспонтовых хомяков. В другое время я бы, может, их пожалел: они так старательно суетятся, а живут так недолго. Но тут я вспомнил, что при сегодняшнем раскладе любое из этих существ запросто меня переживёт: они ещё будут видеть и дышать, а я – уже нет.

Телезрительское возлечение скоро надоело. Я почистил зубы и встал под душ. Мне нужно было понять, точнее, выведать у самого себя: что, собственно, произошло? Откуда взялся этот похоронный мотив?

Я знал, что операция, которая меня ждёт, не такая уж редкая и сложная. Технология давно обкатана, срывов почти не бывает. Клиника правильная, с высокой репутацией. Тогда в чём дело?

Засада была в том, что всю свою жизнь я стопроцентно доверял собственной интуиции. В тех случаях, когда я полагался только на неё, она не подводила меня ни разу. И наоборот: если я чуял одно, а поступал по-другому, то есть игнорировал это чутьё, у меня случался жестокий прокол.

Так вот, моя дурацкая, проклятая интуиция в этот раз внятно говорила, что история с хирургическим вмешательством кончится плохо. И не просто плохо, а так, что хуже не бывает. Но я даже мысли не допускал об отказе от опера-

ции. Ампула напуганного одноглазого инвалида нравилось мне ещё меньше, чем роль молоджавого покойника.

На следующие пять дней я с головой ушёл в альбомы и монографии о первобытном искусстве. К концу недели мне уже настойчиво снились Венеры эпохи палеолита: вспухающие тела из камня или слоновой кости, перезрелые грозди ягодиц, грудей и животов.

Я переснимал и сканировал самые характерные образцы. У некоторых фигур изначально отсутствовала голова, почти у всех круто выпирала беременность и зияла внизу живота глубоко вырезанная вагинальная щель. При всей грандиозности форм это были в основном миниатюрные создания – от четырёх-шести до тридцати-сорока сантиметров. Каменные же бабы родом из скифских степей, женщины-идолы алтайских и сибирских кочевников, наоборот, впечатляли своей рослостью – от одного метра аж до четырёх, но чаще всего были бесформенные, с корявыми, убогими закруглениями или тупо прямоугольные, как сундуки, поставленные на попа.

Потом я напился в одиночестве и стал ругать себя, что никакой я на самом деле не дизайнер. А скорее «словесник». Для меня ведь даже вкус вина, как правило, начинается с его имени. Накануне своего немотивированного пьянства я зачем-то купил в универсаме краснодарскую мультку, безобразно переслащённую, прельстившись одним только назва-

нием: «Чёрный лекарь. Красное сладкое». Да ещё из любопытства перешиб этим «Лекарем» отличное коллекционное кьянти.

В середине июля меня осенило: я вдруг вспомнил, где видел самую лучшую первобытную Венеру. Прошлой осенью в городе Усть-Вишенке устроили фестиваль народных ремёсел, а меня позвали поработать в жюри. Фестиваль оказался так себе, второй свежести. За главный приз боролась фирма, выпускающая туески и солонки из бересты. С туесками свирепо конкурировали матрёшки, изображавшие спикера Госдумы и лидеров думских фракций.

Возглавлял жюри некто Переватюк, директор местного краеведческого музея. На любой вопрос Переватюк имел готовый убедительный ответ, иногда рифмованный. Дискутировал он беспрюигрышно: «А вот я считаю, что на вкус и цвет товарища нет! Но это сугубо моё личное мнение...» О таких людях иногда говорят: «лысый, но с перхотью». Справедливости ради замечу, что лысым Переватюк не был, а носил такую волнистую чиновничью укладку с пробором и напоминал внешне актёра Мела Гибсона. Он сказал, что не отпустит меня из города, пока я своими глазами не увижу его краеведческие сокровища.

В музее на стенах висели домры с капроновыми струнами, чьи-то пыльные халаты золотого шитья и непоправимо жухлые почётные грамоты «За ударный труд». В тесном коро-

теньком переходе от феодализма к первым годам советской власти я и наткнулся на роскошную каменную бабу, очень похожую на Венеру из Виллендорфа, но гораздо крупнее, в полтора человеческих роста. Она затмевала собой весь музей. Вероятно, её просто некуда было приткнуть. Выпирающий раздвоенный лобок неприлично лоснился: видимо, его часто мыли, оттирая следы фломастеров и шариковых ручек – художества томящихся школьников, которых учительки пригоняли сюда нестройными табунами.

В моём присутствии Переватюк строго спросил кого-то из персонала, когда «эту дуру» наконец унесут в подвал, но ему логично ответили, что сторож на больничном.

После музея мне сказали, что в управлении культуры накрыт стол и люди ждут не дождутся. Но, когда приехали, стол был уже наполовину разорён, магнитофон издавал звуки, несовместимые с жизнью; слипшаяся публика, благоухая потом и водкой, пыталась танцевать ламбаду.

Переватюк наливал мне одну за другой, без пауз. Я говорил «достаточно». Он вытаскивал, как фокусник из рукава, рифмованные аргументы: «После пятой и шестой перерывчик небольшой!..» Тосты поднимал, конечно, за русскую культуру, которая не вся ещё распродана холуями ЦРУ.

Рядом с ним вертелось и громко ахало нечто, едва прикрытое шёлком и люрексом, из-под которых, как влажные длинные рыбины, то выпадали, то выпрыгивали груди какого-то несказанного размера. Жена музейного директора, ка-

жется, ни на секунду не забывала о своих преимуществах и двигалась таким способом, чтобы эти гладкие, холёные преимущества, отпущенные в независимое плавание, смотрелись как можно выразительнее. На прощанье она мне жарко шепнула: «Люблю вас, Женя!» – перемазав помадой от уха до уха.

Прошлогодняя усть-вишенская визитка с телефоном Мела Гибсона нашлась в коробке с надписью «ХЗ» – туда я бросаю вещи, которыми не собираюсь пользоваться никогда, но пока не решил отправить на помойку.

Переватюк разговаривал радушно, даже игриво, острил и зазывал в гости. Я ответил, что, скорее всего, действительно приеду, потому что моего клиента интересует та самая «дура», которую собирались отнести в подвал.

Музейщик сориентировался моментально: резко сменил тон и принялся восторгаться каменной бабой, «уникальным произведением наших великих предков», из чего я сделал вывод, что он, не моргнув глазом, продаст мне экспонат, дело только в цене. Напоследок он сказал: «Жду! Порешаем вопрос обязательно».

Надо было ехать в Усть-Вишенск. Федюша от нетерпения сучил ножками и успел дважды напомнить о себе. Но я всё медлил, как будто оттягивал наступление чего-то необратимого. И мне хотелось наконец взяться за работу, которую я мысленно обозвал «Цветной воздух».

Я всю жизнь подозревал, что большую часть окружающего мира мы просто не видим. Ну, то есть вообще не воспринимаем обычными органами чувств. А потом мне понравились цифры, которые я нашёл в статье одного математика или физика, точно не помню. Он доказывает, что людям доступны для восприятия только пять или шесть процентов из всего, что нас окружает. А где находятся остальные девяносто четыре процента? Здесь же, перед моим носом – здесь и везде. Мы тарачимся, как слепые, сквозь них, мимо них. Но они точно присутствуют. И как, спрашивается, каким глазом или прибором можно заглянуть в эту грандиозную туманность?

Вот что я сделал. Я взял несколько фотографий, которые снял сам в разные годы и в разных местах. Из огромного количества выбрал те, что имеют для меня особую личную ценность. Например, осенний, чуть запылённый снимок тесного двора, где я родился, в маленьком провинциальном городе. Ещё один – вид с моста Понте Веккио на реку Арно и правый берег Флоренции, который я люблю больше левого.

Каждую из этих картинок с помощью несложной графической программы я превратил в трёхмерное изображение и положил на заранее приготовленный компьютерный макет, причём таким образом, чтобы фотография как бы разбегалась и тонировала его, занимая по объёму и насыщенности не более шести процентов от общего свободного пространства. Мне предстояло заполнить эту мнимую скрытую пустоту, словно географическую карту Земли, нарисо-

ванную до Колумба и Магеллана. Здесь не надо было особо умствовать – только отпустить на волю воображение, как охотничью собаку с поводка, довериться взгляду, обращённому внутрь, и своей уверенности: ничто никуда не исчезает. Я начал с очевидного – вернул в провинциальный советский дворик малорослого ушастого мальчика, стриженного «под чубчик», осознающего себя гадким утёнком и больше никем; а на Понте Веккио, нарядный, уже почти открыточный, – мясные лавки с протухающей на солнце убоиной и толстыми изумрудными мухами. Как только я это совершил, во двор пришла давным-давно умершая миловидная молочница с двумя жестяными бидонами, отчаянно крича: «Кому молока-а?...» К мосту в сумерках подкралась женщина по имени Бьянка Капелло, бывшая тайная любовница простолюдина, а потом – самая знатная прелестница Тосканы, без пяти минут герцогиня: принесла мешочек с монетами, чтобы заплатить оптом за три убийства душегубу, которого сама наняла... Но это были, повторяю, самоочевидные, верхние слои. Зато чуть позже, переждав легионы печальных призраков, из темноты, как ископаемое зверьё, как тираннозавры и ящеры, полезли наружу такие ассоциации, такие кровеносные системы и золотоносные нарывы, что мне показалось: я схожу с ума.

Я выключил телефон и рисовал почти безотрывно больше семи часов. За окном брезжила то ли счастливая разгадка, то ли страхолюдное утро, когда я выпил два стакана вина, заел

огрызком сыра и свалился в постель.

Четверо суток подряд я просыпался после полудня, тут же вскакивал, жалея время, потраченное на сон, и работал до следующего утра. Иногда заставлял себя отстраниться, как бы охладить взгляд посторонним прищуром. «Воздух» получался офигительно красивым, даже с перехлёстом. На свой же скептический прищур я мог возразить только одно: что красиво, то и правильно.

Пятой или шестой ночью меня настигла зверская потребность хоть в чьём-то физическом присутствии, пусть и молчаливом. Я даже готов был плестись на тёмную улицу – кого-нибудь пригласить. Но в конце концов ограничился хождением по интернету и забросил удочку на сайте знакомств: написал в анкете, что ищу собутыльника.

Удивительно быстро откликнулась какая-то странная девица, лет на десять меня моложе, видно, такая же потеряха, как я. Очень легко, непринуждённо дала согласие встретиться и попьянствовать вдвоём.

Как условились, в пятницу заехал за ней к концу рабочего дня. Думал, окажется бойкая, нагловатая малявка. Вижу: крупная, высокая блондинка, на полголовы меня выше, такой чудесный белый налив. Смущается и робеет, как восьмиклассница на деревенских танцах. Но в глазах готовность к вертикальному взлёту: влюбиться мгновенно и на всю жизнь.

Дома зачем-то стал ей показывать коллекционные вина. (Сейчас понимаю, что это могло выглядеть как дешёвые пон-

ты.) Не интересуется совершенно. А главное, даже не пытается сделать вид, что интересуется. Мне это понравилось. Полное отсутствие жеманства. Не щебечет, не выпячивает ничего. Бывают «концертные» натуры – они каждую минуту своего присутствия превращают в шоу. Тебе остаётся только подыгрывать или, как зрителю, тупо ждать антракта. А есть такие – всё больше молчат, но к их молчанию хочется приклониться лбом или щекой. Вот она именно так молчала.

Когда стемнело, решили свет не включать, и около полуночи её разморило от вина: как сидела на самом краешке кровати, так и легла, не отрывая ноги от пола, и засопела подетски. Пока она спала, я тихонько, чтобы не разбудить, пошёл в ванную, как нормальная домохозяйка, устроил постирушку, постоял под душем и тоже прилёг.

В полтретьего, кажется, проснулся от её шагов – встала и бродит потерянно по темноте, в окрестностях кровати. Я говорю: «Иди ко мне, а то заблудишься!» Прилегла рядом осторожно-осторожно и лежит сосредоточенная, как Дюймовочка в норе у крота. Но скоро опять засопела, причём во сне доверчиво и требовательно закидывала на меня голое гладкое бедро, притискиваясь раскалённым низом. Так уютно и жарко мне ещё не спалось никогда.

А утром, ненакрашенная, прятала глаза, разбила что-то из посуды, четырежды извинилась и вообще не знала, куда себя девать. Отвёз её домой, район у чёрта на куличках. Только хотел назначить встречу на ближайшие дни, как слышу: «Ну,

прощайте!» – и это был, пожалуй, единственный пафосный момент, от которого у меня сильно ёкнуло пониже диафрагмы. Так и сказала: «Ну, прощайте!» То ли почувствовала, что не жилец, то ли не увидела в моём лице достойный повод для вертикального взлёта. Скорей всего, и то, и другое.

Тем временем Федюша всё поторапливал – уже не только напрямую, но и боковым манёвром. В понедельник мне позвонил незнакомый человек и сказал наждачным голосом:

– День добрый! Я являюсь корреспондентом газеты «Городские ведомости». Мне поручено взять у вас интервью. В том смысле, что побеседовать о вашем жизненном и творческом пути...

Хорошо, что он не видел, как меня перекосило. Пусть я буду последний гад и мизантроп. Но, когда собеседник изъясняется в таком стиле: «о вашем жизненном и творческом пути», да ещё под соусом «я являюсь», возникает чувство, будто меня насильно кормят рвотным средством немедленного действия. Он наверняка и пишет в том же духе. В общем, золотое перо.

«Городские ведомости», насколько я знаю, – Федюшина карманная газета, насквозь партийная и заказная. И в том, откуда прилетело поручение, можно было не сомневаться.

Я горестно вздохнул и ответил, что дико занят, прямо вот катастрофически занят, даже некогда умыться и почистить зубы. Поэтому, в крайнем случае, на самые срочные, живо-

трепещущие вопросы попытаюсь ответить по телефону.

Он спросил, видимо, на автопилоте:

– Каким путём вы пришли к творчеству? Откуда? Что было источником вдохновения и, так сказать, школой жизни?

Я ответил, что школой жизни для меня, так сказать, были армия и флот. Особенно, так сказать, флот.

– Вы служили на корабле? – догадался корреспондент.

– Да, совершенно верно. Служил под Кандагаром, в специальной военно-морской части кандагарской флотилии.

Он заинтригованно молчал.

– Понимаете, когда тяжёлый авианесущий крейсер выходит во враждебный океанский простор, наши ребята не думают о героизме. Они думают о родных просторах, на которые посягают душманы и, так сказать, моджахеды... Извините, не могу, волнуюсь. К сожалению, командованием частей особого назначения наложен строгий запрет на разглашение. Поэтому нельзя поведать обо всём, что вдохновляло. Но кое-что я вам всё-таки скажу. Когда взвод ракетных катеров идёт в атаку...

Говорил я минут двадцать. Он слушал так взволнованно, будто на его глазах совершался подвиг.

По окончании интервью мне хотелось хорошенько отхлестать себя по щекам. Но вместо этого я оделся и поехал за билетом в железнодорожную кассу. Вернувшись, нашёл в интернете адрес и телефон гостиницы «Заря», единственной в городе Усть-Вишенске, позвонил туда и забронировал на

двое суток одноместный номер. Он стоил чуть дороже, чем скромная гостиничная комната в центре Лондона.

Когда я сел в такси, чтобы ехать на вокзал, меня окликнула бродяжка Надежда Викторовна свежим и трезвым голосом:

– Куда поехал? Москва-Кремль? Передавай привет президенту Ельцину!

Мне пришлось поставить её в известность, что у нас давно совсем другой президент, а Ельцин уже умер.

У Надежды Викторовны страшно искривилось лицо:

– Как же так?? – она была готова зарыдать.

Уже из такси я слышал, как утренний двор оглашается причитаниями: «Что ж это такое? Даже Ельцин умер!..»

Если бы меня спросили, где откровеннее всего явлена картина жизни в моей стране, я бы не задумываясь назвал провинциальные вокзалы, железную дорогу, поезда дальнего следования. Адский запах хлорки в туалете, влажное белё мышинового цвета, клетчатые китайские сумки невыносимых габаритов: люди с такой поклажей одновременно похожи на беженцев и кустарей-спекулянтов, заведомо виноватых перед милицией и рэкетирами. В вагонном окне ползёт и пропадает невменяемо запущенная местность, погружённая в себя и совершенно ничья. Как после войны, где больше нечего терять.

На сиротливых полустанках вдоль вагонов бегали бабушки, предлагая пироги с луком и варёную картошку, закутанную в одеялки.

В одном купе со мной ехала молодая мамаша с дочкой лет пяти. Это могло быть вполне приятное соседство, если бы девочка хоть изредка закрывала рот. Всё, что она говорила, имело форму вопроса. Из неё вылетало примерно тридцать вопросов в минуту. «Мама, я устала?» – спрашивала девочка. «Конечно, ты устала!» – оставалось надеяться только на это. Но тут же следовало уточнение: «Мам, а я очень устала?» Если мать не отвечала, вопрос повторялся раз двадцать. Женщина поглядывала на меня с мукой и стыдом. Не то чтобы ей было стыдно за ребёнка – скорее она боялась, что я подумаю о её девочке плохо. Поэтому мне приходилось ободряюще улыбаться и строить добрые глаза. Хотя, если честно, в пору было застрелиться: всю дорогу я не мог ни читать, ни спать. «Наш поезд скоро сломается? А после поезда мы ногами пойдём?» Они выходили за полчаса до Усть-Вишенска, и напоследок ещё прозвучал неплохой вопрос: «А моя попа хочет какать?»

Гостиница «Заря» нашлась в трёх шагах от вокзала.

Администраторша в чёрном костюме долго и торжественно вбивала одним пальцем в компьютер мои паспортные данные. Она дважды переспросила фамилию, поэтому я посоветовал ей заглянуть в паспорт, который она держала в руке.

Комната порадовала антикварной советской мебелью из

ДСП и кроватью с панцирной сеткой, продавленной чуть не до пола. За полчаса, пока я пытался уснуть, позвонили из двух разных фирм с предложением интимных услуг. «У нас все девушки стройные и худенькие», – сказала одна из звонивших. Я пожелал девушкам поправляться и не грустить.

Первобытная Венера стояла в подвале музея, в обрамлении автомобильных покрышек, коробки от холодильника и каких-то пахучих промасленных тряпок. Но это несколько не портило её убойной дикой прелести.

Переватюк, пока меня дожидался, видимо, неплохо подготовился к тому, чтобы «порешать вопрос». Если верить его словам, он провёл археологическую экспертизу с участием важного специалиста, который уверенно датировал статую началом четырнадцатого века.

Меня это впечатлило:

– Одновременно с «Божественной комедией».

Он не расслышал или не понял:

– В каком смысле «комедия»?

Я растолковал: наши предки тесали эту каменную бабу как раз в то самое время, когда в Италии Данте писал свою главную книгу.

Упоминание Данте директора явно задело, он сразу надулся и потускнел. Как будто сам факт существования Данте мог уронить достоинство наших великих предков или снизить стоимость экспоната.

Но уже через час в домашнем застолье Переватюк снова был похож на самого себя или на Мела Гибсона, победительного, как бронетранспортёр. Жена бегала на кухню и обратно, показательно виляла всем телом, расставляла салатницы, рюмки, принесла супницу с ухой, разливала её по тарелкам, изгибаясь и наклоняясь так, что я реально опасался, как бы она не ошпарила груди: как и в прошлый раз, они взлетали и выпрыгивали в самый центр внимания.

Я чувствовал, мне не хватит моральных сил, чтобы выслушивать рифмованные тосты в честь русской культуры, поэтому я сделал коммерчески озабоченную мину и тупо спросил о цене. Время поджигает, клиент торопится и хочет знать условия сделки.

Переватюк отвечал страшно многозначительно, будто общал по секрету результат сложнейших научных изысканий, которые привели наконец к теоретически обоснованной и практически доказанной сумме четыреста тысяч.

– Четыреста тысяч чего?

Он вдруг засмеялся как-то нервно:

– Рублей, конечно! Нам, знаете, ваши «зелёные» только на одно место налепить... У нас в народе говорят: «С рублём милый, с долларом – постылый!» А рубль, он и в Африке...

Я перебил:

– А у вас в народе официальный договор подписывают? Деньги учтённые, с налогообложением? Или втихую, в конверте.

Можно было и не спрашивать.

Он очень складно запел о простых людях, которым все эти формальности ни к чему. «Свой человек для своего человека ничего не пожалеет, всю душу задаром отдаст». Потом началось длинное рассуждение о сердечной открытости наших граждан в отличие от бездушных западных, у которых одна только прибыль и выгода на уме.

Я смотрел на этого человека и думал: он очень удобно сидит, чтобы сейчас, например, вынуть мельхиоровый половник из супницы и ёбнуть ему этим половником по лбу. А потом, справедливости ради, и самому треснуться об стену головой.

Когда я собрался уходить, хозяйка в прямом смысле встала грудью, чтобы не выпустить меня из-за стола, пока я не отведаю жаркое или домашние пирожные. Выглядело это очень трогательно, однако я не поддался.

Назад в гостиницу шёл пешком, смотрел на пыльную листву и жёлтую штукатурку старых двухэтажных домов. Захолустный город молча, одним своим видом напоминал, что лето кончается.

Вернувшись в номер, скинул с себя одежду, лёг и сразу же очутился в подвале, где ровеснице Данте, первобытной Венере было стыдно и зябко стоять среди автомобильных покрывал и деловых, озабоченных мужчин.

Разбудил меня стук в дверь. Кое-как спросонья натянул джинсы и открыл: горничная спросила, не нужно ли убрать-

ся в комнате, а то ей пора уходить домой. Спасибо, не нужно.

Снова лёг, но минут через десять опять постучали.

Вспомнил, что забыл запереться, поэтому не стал высказывать из-под одеяла, крикнул: «Кто там?»

Это была госпожа Переватюк, жена музейного директора, на сей раз в строгом жакете и густо напудренная.

– Уже спите? А я вам на ужин пирожные принесла. Лежите, не вставайте! Я не помешаю...

Вставать и правда было затруднительно, потому что вся моя одежда, включая трусы, висела на кресле в противоположном углу.

Гостья присела на край постели очень уютно, по-свойски, и я, наверно, стал похож на лежачего больного, которого пришли навестить.

Она помолчала, как будто мысленно репетировала вступление к заготовленной исповеди, но забыла текст и вдруг решила начать с конца:

– Женя! Увезите меня отсюда! Я вас умоляю, Женечка, заберите меня! Не могу здесь больше оставаться с этим чудовищем... Возьмите меня к себе! Женечка, я же знаю, что я вам нравлюсь. Я видела, как ты на меня смотрел... Ну ты же сам всё видишь! Видишь??

Ничего я уже не видел, потому что она в один момент растянулась и выложила мне прямо на лицо свои полновесные, влажные от пота сокровища. Постанывала, тёрлась грудями о мою трёхдневную щетину и закрытые глаза. Я лежал

как дурак и молчал. Вероятно, в этом молчании ей почудилось восторженное согласие, и она заговорила совсем другим тоном, с ласковой хозяйской сварливостью:

– Вот вы такие все, кобели бесстыдные! Вам бы только это... Не цените нас, женский пол. Ладно уж, потерпи! Я сейчас быстро, только помоюсь.

Схватила сумочку и убежала в ванную. Слышно было, как судорожно раздевается, терзает волосы расчёской, но воду не включала. Я встал и оделся – почти машинально, с армейской чёткостью.

Она вышла вся белая, как сметана, коротенькими японскими шажками, чуть приседая, обняв себя за плечи, с торчащими над животом огромными розовыми сосками и таким же розовым лобком.

– Ты куда?!

– Сигареты надо купить. Дойду до киоска.

Тут она возлегла на постель, как одалиска, с неопишуемой томностью, закинув ногу на ногу, и приказала мне вдогонку:

– Шампанское, Жень, захвати!

Я вышел на улицу, добросовестно добрёл до киоска, купил пачку «Честерфилда» и двинулся в сторону вокзала.

Уже возле билетной кассы я обнаружил, что оставил в гостинице сумку с книгой и сменой белья. Но паспорт, бумажник и телефон были здесь, в пиджаке.

В привокзальном буфете мне продали сто грамм тёплой

водки и стакан томатного сока. Потом ещё сто грамм.

С левой стороны вокзала открывался пустырь, примыкавший к железнодорожному тупику. Там я нашёл бетонный пенёк, присел и закурил.

Для полноты картины оставалось только позвонить Федюше. Телефон у меня почти разрядился, но я не собирался долго говорить.

– Хэллоу! – сказал мне третий заместитель председателя политсовета «Единственно Правильной Отчизны». – Есть новости?

– Новость одна. Я отказываюсь от заказа.

– А что? Какие-то затруднения?

– Ну, можно сказать, стилистические.

– Чего-о?! – Слышимость была неважная. – Политические?

– Хорошо, пусть будут политические.

Он молчал, наверно, с полминуты.

– Может, тебе моя партия не нравится?

Я честно удивился:

– А что там может нравиться?

– Ты это брось! Совсем страх потерял? Давай лучше вступи к нам.

– Зачем?

– ...А потом вместе выйдем, через год-два. Когда уже не надо будет.

На этих словах мой телефон выдохся, и партийный вопрос

так и остался нерешённым. Всю обратную дорогу в людном плацкартном вагоне я проспал, как новорождённый.

Не помню точно, кто это сказал: времени всегда тратится ровно столько, сколько у тебя его есть. Раньше мне это казалось шуткой, теперь перестало казаться. Особенно когда счёт пошёл на недели и дни. Время можно пытаться растягивать, выворачивать наизнанку или сжимать. Можно его конвертировать в какую угодно валюту или просто разменивать на фантики неземной красоты. Но всё равно – потратишь без остатка. Никаких заначек или резервов, ни для кого.

Вечером 21 августа меня занесло в торговый центр «Капитан» – я туда хожу оплачивать коммунальные услуги через терминал, а потом иногда поднимаюсь на третий этаж в магазин «Видео-Шторм».

Мне вдруг сильно захотелось закупить сразу много фильмов – только не новых, а тех, которые давным-давно видел, и заново их посмотреть.

В этом «Шторме» среди полок, уходящих за горизонт, меня так укачало, что я в итоге набрал невыносимо пёструю пачку: «Нежную кожу» Трюффо, «Связь» братьев Вачовски, «Ганнибала» Ридли Скотта, «Охотника на оленей». Да, ещё позднего Стэнли Кубрика, Иоселиани, Гринуэя. В общем, диковатый винегрет, который правильней было бы забыть возле кассы, изобразив рассеянность, но там случился любопытный эпизод.

Улыбчивая кассирша пробила чек и поздравила меня с тем, что, сделав покупку на такую-то сумму, я получил право на бесплатную консультацию астролога, хоть сейчас! Это у них такая акция – вот талончик. А сам астролог сидит на первом этаже, рядом со свежевыжатыми соками. В другой день я бы сказал «огромное спасибо» и тут же с лёгким сердцем оставил где-нибудь этот талончик вместе с фильмами. Но 21 августа я, как полноценный обалдуй, попёрся на первый этаж к бесплатному астрологу, спрятанному за бархатной шторой, в тесной кабинке, между оранжевым прилавком с соками и кремовым бутиком дамского белья.

У меня возник запасной вариант: если за шторой обнаружится пылающая очами брюнетка с массивными перстнями, я без зазрения совести отверну в оранжевую сторону и выпью грушевый.

Но в кабинке за столиком сидел невзрачный юноша лет двадцати шести, гладко причёсанный, в сером костюмчике. Такой типичный ботаник, выражаясь школьным языком. Сидел, уткнувшись в экран ноутбука. Мой приход его не очень-то отвлёк.

Парень предложил мне стул и запросил «выходные данные»: место, год, месяц, день и час рождения – всё с дежурной вежливостью, так и не отрываясь от экранчика. Это внушало доверие. По крайней мере он не щупал меня наглым, всезнающим взглядом доморощенного психотерапевта.

Когда компьютер выдал натальную карту (или как там у

них называется эта круглая схема, перечёрканная цветными хордами и категорическими острыми углами), астролог наконец заговорил. Он довольно складно изложил обстоятельства моей жизни за последние лет пятнадцать, даже угадал профессию, но я его прервал. Своё-то прошлое я как-нибудь сам предскажу, память пока не отшибло.

Он спросил раздражённо:

– Вам что, лишь бы на будущее?

– Мне лишь бы настоящее. Ближайшие дни.

Парень опять уткнулся в монитор. Вся складность улетучилась. Теперь он хмыкал, как технарь, нашедший поломку, и гундел себе под нос:

– Ну, тут у вас это... Вроде бы. Ну, в том смысле, что...

Он мрачнел буквально на глазах. Я ждал.

– Ну, в том смысле... Кардинальное что-то. Возможно, с медициной. Операция, типа?

– Да, – говорю.

– А какого числа?

– Двадцать седьмого.

И вот тут он заткнулся. Просто завис у экрана с вытянутым лицом, как будто язык проглотил.

Не знаю. Может, у этих астрологов вообще не принято клиентам плохие новости сообщать. Но молчал он очень конкретно.

Я попытался его приободрить: «Да ладно, говорите прямо, я ведь и так всё понимаю».

Он осторожно покашлял и кое-как выдавил из себя:

– В общем, это... Не хочу вас пугать. Но лучше бы это было не двадцать седьмого. Лучше в этот день не трогать ничего. Тогда, может, обойдётся.

Как говорится, и на том спасибо.

Оставалось идти пить грушевый сок. Или томатный.

23 августа по-честному дозвонился до клиники, чтобы напомнить о себе: я такой-то, собираюсь на днях приехать сдаваться.

Та же самая девушка снова задумчиво поцокала по клавишам – и вдруг начала многословно извиняться: «Очень сожалеем, что причинили неудобства! По независящим причинам... Вам операцию на двадцать восьмое перенесли. Так уж получилось! Двадцать седьмого только освободится палата, и мы вас положим в стационар».

– Это безобразие, – говорю. – Я возмущён.

– Приезжайте после обеда! Не забудьте домашнюю одежду и деньги.

В тот же день я услышал по телефону от моей интернетовской Дюймовочки, что к следующей встрече она, так и быть, накрутится ради меня. Думаю, после слов: «Ну, прощайте!» – это уже явный прогресс.

27-го ближе к полудню я пошёл в татарский гастроном. Покупателей почти не было. У витрины с форелью во льду, шевеля губами, стояла бомжиха Надежда Викторовна и рас-

сматривала рыбу, как музейный экспонат.

Я набрал продуктов больше обычного и, проходя мимо Надежды Викторовны, тихо сказал: «Есть важное дело». Она кивнула со значением и пошла вслед за мной.

По пути из гастронома Надежда Викторовна на всякий случай дважды заявила: «Я ведь не какая-нибудь там фи-тюлька!» Это я охотно подтвердил.

Когда мы пришли ко мне, я сказал Надежде Викторовне, что она остаётся здесь домохозяйничать. Вот деньги, вот еда. А сам я уеду, может быть, дня на три. Или, возможно, на долгие годы. Она вытаращила глаза, огляделась по сторонам и сказала сурово: «Тогда я буду мыть пол».

Меня положили в одну палату с человеком по фамилии Стечкин. Мы вместе выходили на больничное крыльцо покурить, и Стечкин рассказывал, что живёт вдвоём с котом по имени Барселон. В домашних условиях, если никто не слышит, к нему ещё можно обратиться Барсик. Но при людях, на улице – никакой фамильярности, только Барселон. Иначе кот сильно страдает неврастенией. У Стечкина правый глаз минус одиннадцать, а левый совсем перестал видеть год назад. После долгих колебаний решено было оперировать левый. Стечкин пояснил: «Женщин давно не вижу, очень хочется посмотреть».

Он угостил меня малиной, которую, по его словам, выращивает дома на балконе, чтобы порадовать кота.

Вечером неожиданно позвонила Дюймовочка:

– Как ты, жив ещё? Я собиралась погадать на тебя, но боюсь.

– Давай я сам погадаю. Только ты меня научи.

– Ты там, наверно, не сумеешь. Надо свечи и зеркала. А окно у тебя там есть? Ты просто подойди к окну и выгляни. Что первое увидишь, то и будет. Я так в детстве гадала.

– Уже выглядываю. Здесь одни деревья и вывеска банка «Русский кредит».

– О! Как интересно.

– Ничего интересного. Сейчас буду пытаться уснуть. Завтра обещают поднять в шесть часов.

Но Стечкин заснуть мне не дал: он храпел так, будто участвовал в вулканическом процессе. На месте Барселона я бы тоже страдал неврастением.

В шесть утра включили свет и объявили по радио, что оперируемым запрещается завтракать и даже пить, а сами операции начнутся в девять. «Тогда какого хера будить в шесть?» – спросил Стечкин и вернулся к вулканическому процессу.

Мне возвращаться было не к чему, поэтому я пошёл на улицу курить. Там ещё было темно, светилась лишь неоновая вывеска банка. К концу второй сигареты мне пришли на память дивные стихи, четыре строчки, читанные в студенческом возрасте. Тогда они мне показались чересчур высокопарными: «Были очи острее точимой косы – по зегзице в

зенице и по капле росы». Как там дальше? Вспомнить надо было позарез. А, вот: «И едва научились они во весь рост различать одинокое множество звёзд». Человек, который это написал, мог уже ничего не бояться. Точнее говоря, потому и написал, что не боялся ничего.

В полдевятого я застиг себя раздевающимся на глазах у странной кастелянши. Она принесла белую полотняную рубаху, белые штаны, белые бахилы с завязками, белую шапочку, встала напротив и принялась разглядывать меня. Оказалось, её томили сердечные истории. Пока я надевал рубаху и безразмерные штаны задом наперёд, потом снимал и заново их натягивал, она успела рассказать о своём первом возлюбленном, который пел ей под гитару, что на нейтральной полосе цветы необычайной красоты. Меня почти доконали непарные куцы завязки на бахилах, когда речь зашла о родной племяннице кастелянши. Смысл сообщения сводился к тому, что ближайшая подруга младшей сестры её второго мужа однажды была в Риме!

– Вы представляете?!

– Ну, представляю. Я тоже был в Риме.

– Вот!! Я так и чувствовала, что мы родственные души!

Спать хотелось сильнее, чем жить. Спотыкаясь, наступая на завязки и теряя бахилы, я чувствовал себя плохо экипированным детсадовцем. Но операционный стол с маленькой подушкой в изголовье мне понравился. Здесь никто не хра-

пел и ничто не предвещало дурного. Поэтому я прикорнул и уже готов был вздремнуть. Как вдруг сзади на меня вероломно накинулись сразу двое – судя по голосам, мужчина и женщина. Действовали стремительно, в четыре руки: марлевый кляп на лицо, справа – наручник-манжетка, слева – игла убойной длины. Пока мужская пясть упиралась в мой лоб, как в столешницу, женские пальцы уже ставили распорку между век. Эта преступная парочка неплохо спелась, прямо Бонни и Клайд.

Я лежал и думал: ведь были очи острее точимой косы. Клайд с остервенением тыкал мне в глаз чем-то вроде тупого карандаша, но я довольно отчётливо видел заплаканное небо и дрожащие размытые звёзды, одинокое множество, да.

У этих двоих всё же случилась рискованная заминка. Клайд внезапно отлип от моего лба и крикнул напарнице очень грубо: «Ты что мне даёшь? Я просил Бэ-два!» – «Ой, – сказала Бонни, – извините». – «Быстрее! Давление видишь?!» Через полминуты он снова навалился на меня, ещё немного потыкал и выдохнул: «Всё».

Следы нападения убрали мгновенно, заклеили глаз пластырем и ссадили жертву на кресло-каталку. Медсестра, которая довезла меня до палаты, предупредила: «Три часа лежать. Только на спине!»

Я вытерпел ровно девяносто минут, потом встал, плавно прогулялся до лифта, спустился вниз и вышел на крыльцо. От сигареты меня слегка повело, я переждал головокруже-

ние на свежем воздухе и вернулся в палату.

Вскоре привезли Стечкина, тоже заклеенного пластырем, он скоростигжно уснул, но уже не храпел, а возмущённо стонал. Тогда я предпринял вылазку в больничный буфет. Это место покорило меня растворимым кофе и холодной куриной сосиской. Кажется, за всю жизнь я не едал ничего вкусней.

Часам к пяти пополудни всех заклеенных позвали в процедурный кабинет. В коридоре выстроилась очередь одноглазых. Я заглянул в приоткрытую дверь: медсестра сдирала пластыри одним лихим рывком, будто мстила кому-то или желала сорвать маску со всей мировой лжи.

Я покинул очередь и взялся раздевать глаз самостоятельно. Хорошо, что я делал это медленно и наедине с собой. Потому что счастье, я заметил, вещь труднопереносимая, иногда отнимающая рассудок, чувство дистанции, даже лицо. Но ничем иным, кроме как бешеным счастьем, я не назову эту голубизну воздуха, прошитого электрическим золотом, которое обожгло мне хрусталик, эту роскошь светопреломления, а главное – резкость, полузабытую алмазную резкость любой мелочи: транзитной ворсинки на рукаве, дёрганой секундной стрелки или пятнышка раздавленной малины, порочащей больничную простыню.

Это был цветной воздух. Пусть даже он скрывал те пресловутые девяносто четыре процента, прямо давая понять: не твоё собачье дело, тебе это видеть нельзя! Но зато легаль-

ные шесть процентов ужасали, счастливили, охорашивались и блистали всей своей неполнотой.

На скамейке возле крыльца сидел Стечкин с унылым пластырем на глазу. Я спросил, почему бы не снять. Стечкин встрепенулся: «Уже можно?» – почесал бровь, ещё с минуту поковырялся и вдруг заорал: «Ого!! Вот это женщина!»

Я обернулся: шагах в пяти, на краю аллеи стояла Дюймовочка на высоченных каблуках и неловко улыбалась.

Она сказала:

– Привет. Хорошо выглядишь! А мне казалось, ты лежишь весь в гипсе и в бинтах.

– Спасибо, уже не лежу. Как ты меня разыскала?

– Пришлось уйти с работы пораньше. Я тут, через дорогу, в «Русском кредите». Ты правильно погадал.

– Ничего себе гадание! Я думал, это был намёк, что придётся мне каким-то кредитом или деньгами заниматься. Значит, получается, не деньгами, а тобой? Если ты не будешь возражать.

Тут она посмотрела на меня с такой радиоактивной нежностью, ради которой уж точно стоило дожить до этих безнадёжно взрослых лет. И ответила:

– Я не буду возражать.

История третья

Острое чувство субботы

День добрый. Я являюсь корреспондентом газеты «Городские ведомости». А раньше я долгое время являлся сотрудником редакции «Областные огни». Мне нравится моя работа, несмотря на то что платят за неё очень мало.

Лучше всего у меня получается брать интервью – особенно у знаменитых людей. Для этого нужно быть проницательным и глубоким психологом, иначе собеседник не захочет раскрыть тебе свою знаменитую душу. Правда, встречаются наглые, избалованные персоны, для которых интервью служит только способом покрасоваться перед публикой. Я бы не стал с ними общаться, если бы этого не требовал мой шеф.

Совсем недавно я беседовал с одним модным дизайнером, который пытался произвести на меня эффектное впечатление хвастливым рассказом о своей службе в военно-морских силах. Я как можно точнее записал его слова и срочно отдал текст интервью главному редактору. Даже сверхсрочно, потому что это было приказание господина Федюшина, владельца «Городских ведомостей». Не знаю, что именно его не устроило в моей работе, но, по словам редактора, господин Федюшин, когда прочитал интервью, безо всяких объяснений порвал его на куски и швырнул в мусорную корзину. А меня лишили премии, не говоря уже про гонорар.

Журналистам вообще свойственно остроумничать по любому поводу. Но я не одобряю своих коллег, когда они за глаза называют босса Федюшей. Я даже сделал замечание нашей корректорше Даше Рукенглаз. Она мне в ответ посоветовала прочесть поэта Бродского, который выражался в том смысле, что свобода – это когда не помнишь отчество начальника. А по-моему, это панибратство и неуважение к человеку, который является крупной личностью. Не Бродский является, а Федюшин, я имею в виду, Геннадий Ильич. Хотя и Бродский, наверно, тоже.

С Геннадием Ильичом был связан один случай, который очень заметно повлиял на меня и мою текущую жизнь. В каком-то смысле даже судьбоносно повлиял. Я до сих пор никому не признавался, а теперь вот хочу рассказать.

Помню, тот день начался мелкой неприятностью. Утром я испортил приличные брюки, в которых хожу на работу: по рассеянности уселся на жвачку, прилепленную к кухонному табурету моим сыном Алёшей. Липкую резинку мне отчистить удалось, но сзади на тёмной ткани осталось белёсое пятно. (Есть ещё брюки от костюма, но они уже некрасиво лоснятся, а других выходных брюк у меня нет.) Вынужден был идти на работу с пятном и стараться поменьше поворачиваться к окружающим людям спиной.

Я тогда ещё не подозревал, что сразу после обеда меня вызовет к себе поговорить (впервые!) сам Федюшин. Не просто

поговорить, а попросить у меня помощи в жизненно важном вопросе. Он – у меня!..

За мной в редакцию прислали чёрный «мерседес», чтобы отвезти в офис Геннадия Ильича. Мчались как на пожар, иногда по встречной полосе, обгоняя поток машин. Но затем в приёмной потребовалось ждать минут тридцать. Там сидела секретарша с очень эффектной внешностью – не хуже, чем у героини оперетты, и она отвечала на все звонки, что господин Федюшин отъехал, а вернётся только к концу дня. Через полчаса он вышел, не глядя пожал мне руку и впустил в кабинет.

Усадил меня за стеклянный столик возле камина – как гостя, а не как подчинённого. Кофе с конфетами совсем не хотелось, но отказаться я не смог. Было настолько приятно ощущать себя нужным и желанным человеком для такой персоны, как Федюшин, что я не сразу вник в тему разговора.

Геннадий Ильич был совсем не в духе. Он с полуслова начал ругать какого-то Вадика, назвав его засранцем не менее трёх раз. При этом глядел на меня вопросительно, как будто ждал моральной поддержки. Я невольно кивнул, но он нахмурился ещё сильнее.

Постепенно выяснилось, что Вадик – родной сын господина Федюшина, девятнадцатилетний изнеженный олух, которому отец ни разу ни в чём не отказывал, даже купил на день рождения новенький «ауди кабриолет». И теперь этот

ребёночек преподнес родителям сюрприз, который не сравнишь с мелкими пакостями моего сына Алёши, вроде жевательной резинки на штанах. Вадик увлёкся нюханьем кокаина. А месяц назад у него заметили следы уколов на левой руке.

В настоящее время Вадик сидит под домашним арестом и целыми днями с кем-то шепчется по телефону. Он объявил отцу и матери, что завязывать не собирается, потому что «герыч – это круто». Геннадий Ильич понимает, что надо безотлагательно действовать, но пока не знает – как. Нашим наркологическим больницам он не доверяет, а посылать сына лечиться за границей, считает, рискованно: совсем выйдет из-под контроля.

Встретиться со мной господин Федюшин захотел по той причине, что прочитал в газете интервью, которое я взял у архиепископа Лаврентия. Тот рассказывал, как церковь спасает молодёжь, помогает ей избегать дьявольских искушений, и упомянул один случай, когда монахи Святоозёрского мужского монастыря взяли к себе в качестве послушника юношу-наркомана, чтобы его перевоспитать в строгости и чистоте. Этот маленький монастырь запрятан в непроходимой глуши, вокруг на сотни километров только болота и леса, условия там суровейшие, и новичку, если и вздумается, никак не сбежать.

После того интервью мы остались в хороших отношениях с владыкой Лаврентием. Он запомнил меня, иногда пригла-

шал к себе и общался довольно непринуждённо, мог даже в моём присутствии ругнуться: «Хрен знает...» – но сразу же поправлялся: «Прости, Господи!»

Геннадий Ильич усмотрел в истории с монастырём спасительную подсказку, однако сам не решился обратиться за помощью к святым отцам, потому что в прошлом году, несмотря на просьбу епархии, отказался пожертвовать деньги на реконструкцию Ипатьевской часовни. Теперь ему неудобно из-за этого, и он надеется на моё ходатайство как на последний шанс.

Конечно, я обещал как можно скорее позвонить архиепископу, а потом доложить результат. Геннадий Ильич вдруг поднялся из-за стола, и я чуть не уронил чашку с недопитым кофе – мне пришлось тоже быстро встать, чтобы не сидеть перед ним, стоящим.

Он сказал:

– Если надо, звони в любое время суток. Очень рассчитываю на тебя. Я в долгу не останусь!..

И после рукопожатия выразительно так повторил:

– В долгу не останусь.

Меня отвезли на том же чёрном «мерседесе» назад в редакцию. В коридоре я встретил главного редактора, который уже весь чесался от желания разузнать, по какому делу меня вызывал Геннадий Ильич. Я ответил, что дело сугубо личное, и редактор взглянул на меня с неприязнью.

Звонить с мобильного я не стал – разговор мог получиться длинный, а у меня на счету оставалось только двадцать семь рублей. Уединиться с телефоном в шумной общей комнате тоже было невозможно. Я спустился на первый этаж и попросил разрешения у вахтёра позвонить из его тёмной клетушки, где трудно было дышать из-за какого-то странного махорочного запаха. Набирая номер, я так волновался, как будто в эти минуты решалась моя личная судьба. Равнодушные длинные гудки пугали. А вдруг он уехал или настолько занят, что ему совершенно не до меня?

Но телефонные боги сжалились, и мне ответили из епархии дружелюбным голосом и очень скоро соединили с владыкой Лаврентием, который тоже заговорил приветливо и тепло. Он очень быстро уловил суть вопроса, а потом сказал, что сегодня же поручит Веронике Адамовне, своей помощнице и пресс-секретарю, связаться напрямую с настоятелем монастыря, после чего она даст мне знать, как поступать дальше.

Впоследствии я неоднократно спрашивал себя: что же меня заставляло так волноваться, исполняя просьбу господина Федюшина? Ведь, говоря по совести, меньше всего я тревожился за судьбу засранца Вадика, которого собирался спасать. Может, мне хотелось угодить и понравиться боссу – выслужиться перед ним? Это тоже вряд ли. Я по натуре человек самолюбивый и гордый. Тогда почему? Не исключено, что

свою роль сыграло глубокое личное предчувствие... К тому же я не вижу ничего постыдного в том, чтобы понравиться и угодить такой заметной, можно сказать, федеральной величине, как Геннадий Ильич.

Между прочим, когда я говорю «сыграло свою роль» или «судьбоносно повлияло», то сразу вспоминаю журналиста Диму Пинаева, который на праздновании моего дня рождения, желая то ли восхвалить меня, то ли унижить перед коллегами, сказал с поднятой рюмкой: «За здоровье нашего гения банальности!» Это я, значит, «гений банальности», а Дима Пинаев в майке с надписью «Всегда Coca-Cola!», автор рубрики «О людях хороших» – весь такой оригинальный.

По дороге домой в вагоне метро я увидел сумасшедшего. Маленький некрасивый мужчина сидел, положив на колени компьютерную клавиатуру, и что-то печатал на ней с лихорадочной быстротой, как будто боялся не успеть. Это был не ноутбук, не портативное устройство, а стандартная пластмассовая клавиатура серого цвета – отдельная, без всего. Конец соединительного шнура был засунут в карман такой же серой засаленной куртки.

Время от времени мужчина застывал, раздумывал, поднимал глаза над густой толпой пассажиров, страдальчески морщил лицо. Могло показаться, что текст, который он так мучительно рождает, напрямую отправляется – по шнуру через особое карманное отверстие – назад, в организм автора,

и этот круговорот может продолжаться без конца.

Дома ко мне пристал сын Алёша с вечной жалобой: у него старый, отстойный мобильник, а у всех одноклассников новые смартфоны. Я спросил, сколько стоит новый смартфон, он назвал сумму, близкую к моей месячной зарплате. Вместо того чтобы просто ответить: «Дорого», я припомнил Алёше и неважные оценки в школе, и жевательную резинку на моих брюках, и то, что свои телефонные деньги он тратит на отправку SMS с целью получить какую-нибудь глупую картинку или рингтон. В результате у всех испортилось настроение, в том числе у жены Ларисы, поэтому ужинали в полном молчании.

Лариса, кстати, во всех случаях принимает сторону Алёши и с удовольствием обижается каждый раз, когда я его упрекну. Наверно, если бы Алёша затребовал, чтоб ему купили «ауди кабриолет», а я возразил, она бы тоже на меня обиделась. Спорить бесполезно. Лариса работает воспитательницей в детском саду, ей виднее, как надо обращаться с детьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.